

Дарья Донцова

Домео
С
БОЛЬШОЙ
ДОРОГИ

Я готовлю
вам подарки!

Дорогие мои, любимые!
Теперь в каждой моей новинке
в твердом переплете – купон
на подарок! Самые активные
читатели ждут семейный
отдых в солнечном Египте!

Ваша
Дарья Донцова

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Дарья Донцова
Ромео с большой дороги
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 28

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140275
Дарья Донцова Ромео с большой дороги: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18137-7

Аннотация

Ничего себе дельце свалилось на голову Даши Васильевой – она должна найти... шубу. Правда, манто не простое – из розовой шиншиллы, стоимостью в хороший особняк. А искать придется, иначе потерявшая его на развеселой тусовке подруга, безалаберная Танюшка, навсегда поселится в Дашином доме. Она уже заняла ее комнату! Просто плюхнулась на кровать, и все, вроде как заболела, и вставать не желает. Шубку подарил Танин муж, и если ее не вернуть, он, ревнивый Отелло, выгонит супругу вон. Нет, посадит в тюрьму как воровку! Тем более что он ей и не супруг вовсе, оказывается. Только сумасбродка-подружка могла принять романтическую свадьбу в тайландском отеле за настоящую брачную церемонию. И Даша нашла... труп. А где же шиншилла? И кто убийца, тоже не помешает выяснить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	96
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дарья Донцова

Ромео с большой дороги

Глава 1

Темнее всего перед самым рассветом, и это лучшее время для того, чтобы спуститься на цыпочках на первый этаж, не зажигая свет, открыть холодильник, вытащить оттуда бутылочку пива, пару кусков соленой рыбки и со скоростью ветра унести в свою спальню, дабы насладиться добытым в полнейшем спокойствии.

Услышав из коридора тяжелое сопение, я глянула на будильник. Шесть утра. Понятно, сегодня воскресенье, и Александр Михайлович вынужден остаться дома – он, как и все российские граждане, имеет право на законный отдых. Только Дегтярева свободный день не слишком радует. В отличие от нормальных людей полковник не понимает, чем себя занять. Ну как проводит уик-энд подавляющая масса москвичей, обремененных семьей? Отчего-то те, кто мечтает перебраться на постоянное место жительства в столицу, полагают, что счастливые обладатели прописки в безумном мегаполисе развлекаются по субботам и воскресеньям на полную катушку: бегают по музеям, театрам, посещают концертные залы. Очень часто от тех, кто спит и видит, как

бы уехать из тихого провинциального N-ска в никогда не засыпающую Москву, можно услышать подобную аргументацию своего страстного желания:

– Ну какой культурный досуг в нашем болоте? На сто километров вокруг ни одной консерватории, а вот в Москве, там...

И далее следует загибание пальцев с перечислением мест, куда постоянно ходят столичные жители: Третьяковская галерея, Большой театр, концертные залы...

Спешу вас разочаровать: более половины москвичей и примкнувших к ним варягов никогда не бывали в вышеуказанных местах, а кое-кто о них даже не слышал. В огромном городе бешеный ритм и очень дорогая жизнь, по этим причинам подавляющее большинство населения вынуждено работать с утра до ночи, а выходные посвящать домашним хлопотам. Люди сначала отсыпаются, потом едут за продуктами, готовят обед, играют с детьми, которые, сидя по десять часов в садике или школе, успевают забыть с понедельника до субботы, как выглядят мама и папа. А еще народ смотрит телик, а в качестве апофеоза выбирается в кино.

Но у Дегтярева иная ситуация. О закупке харчей и всякой хозяйственной ерунды ему беспокоиться не надо, супруга у Александра Михайловича отсутствует, малых деток он не имеет, телевизор не любит, от вида книг сразу засыпает. Впрочем, в театре или концертном зале к толстяку тоже моментально подлетает Морфей и хватает его в свои цепкие

лапы.

Никакого хобби у Дегтярева нет: он не разгадывает кроссворды, не собирает игрушечные машинки, не клеит модели, не сколачивает табуретки, не ухаживает за цветами. Единственное, что может сделать, чтобы развеяться, это съездить к своему приятелю в глухую деревню за Уральскими горами, там изумительная рыбалка. Но ведь раз в неделю в этот неблизкий рай не полетаешь, поэтому в выходной полковник впадает в задумчивость. Сначала он проводит бессонную ночь, тупо переключая каналы у плазменной панели, потом, около шести, испытывает чувство голода и крадется на кухню.

Здесь уместно отметить, что полковник, никогда не отличавшийся стройностью, стал в последнее время еще толще – его вес перевалил за сто кило, и этот факт весьма огорчает Оксану, нашего семейного доктора и мою лучшую подругу. Не далее как месяц назад она устроила Дегтяреву форменный скандал, заявив:

– Если не похудеешь, стопроцентно получишь диабет и инфаркт в придачу.

– А еще гипертонию, – вякнула Машка. – Тучная собака – больное животное, это всем известно. – Будущий ветеринар, она все меряет на свой аршин.

Александр Михайлович крикнул, открыл было рот, но тут на него налетели абсолютно все домашние.

– Давно хотела отнять у тебя бутерброды с жирной ветчи-

ной и копченой колбасой! – воскликнула я, выдирая из пальцев полковника трехэтажный сэндвич.

– А сколько ты сахара в чай насыпал! – завозмущалась Зайка, хватая здоровенную кружку Дегтярева. – Я считала: шесть ложек!

– Разве можно жрать пиво и соленую рыбу с таким весом? – кипела Оксана. – Небось холестерин все сосуды забил.

Домработница Ирка неодобрительно вздохнула и, ничего не говоря, отодвинула подальше от Дегтярева тарелку с нарезанным сыром.

– Мы сами виноваты, – тихо сказал Аркадий.

– Интересно, почему? – мгновенно налетела на мужа Зайка.

Кеша обвел глазами стол.

– Посмотрите, что тут выставлено: сливочное масло, колбаса, сыр, ветчина, белый хлеб, шоколадные конфеты, варенье, сахар... Ясное дело, Дегтярев ест то, что видит.

– Ничего плохого в перечисленных продуктах нет, – ринулась в бой Оксана, – просто нельзя их употреблять в немереном количестве.

– У Дегтярева нет стоп-сигнала, – вздохнула я. – Он за один присест шесть здоровенных бутербродов съедает. А мне, например, такой порции на год хватит.

– Вот, – закивал Кеша, – о том и речь! Сами его провоцируем, а потом ругаем. Покупаем горы вредных, жирных про-

дуктов, а затем хотим, чтобы Александр Михайлович худел.

– Предлагаешь всем перейти на капустные листья без масла? – серьезно спросила я.

– Ну, может, не надо так радикально... – чуть испуганно кашлянул Кеша. – Но следует помочь полковнику. Если в холодильнике не будет соблазнительной ветчины, Дегтярев не сумеет по ночам жрать сэндвичи.

– Я? – фальшиво изумился полковник. – Да чтобы я... по ночам... сэндвичи...

– Вот и хорошо, – кивнула Оксана. – Если не ел, то и не станешь страдать от отсутствия в доме изысков гастрономии.

– Переходим на здоровое питание! – заорала Маня. – Шоколадным конфетам – война!

– Масло – наш враг, – радостно подхватила вечно худеющая Зайка.

– А кефир – лучший друг, – закивала Оксана. – Думаю, всем пора подумать о здоровье. Ну, кто за?

Поднялся лес рук. Дегтярев, не пожелавший участвовать в голосовании, надулся, а потом спросил:

– В свете принятого решения имеется небольшое уточнение.

– Говори, – милостиво разрешила Зайка.

– Мы теперь ведем здоровый образ жизни? – ехидно осведомился Александр Михайлович.

– Верно, – кивнула Ольга. – Давно, кстати говоря, пора.

– Ладно... – протянул толстяк. – А Дарья? Она участвует

в акции?

– Конечно! – хором ответили домашние.

– Между прочим, вешу сорок шесть килограммов, – быстро напомнила я, – и совершенно спокойно могу позволить себе шоколадку или пирожное.

– Недостаток веса еще не свидетельство хорошего здоровья, – мигом «утопила» меня Оксанка. – Вам всем необходимо пройти обследование, сдать анализ крови, ну и прочее.

– Я о курении, – зашипел, словно разбуженная зимой змея, Дегтярев. – Если мне нельзя вкусно есть, то можно ли ей дымить?

Я онемела. Вот уж не ожидала от полковника подобной подлости!

Домашние повернулись ко мне.

– Мать, сдай раковые палочки! – немедленно заявил Кеша.

– Действительно, безобразие, – подхватила Зайка. – Хоть представляешь, что тебя ждет впереди?

– Опухоль в легких, отрезанные ноги, старческое слабоумие, – мигом перечислила Маня.

– О нас подумай! – с радостью завозмущался полковник. – Сизый дым по всему дому...

– Неправда! – возмутилась я. – Курю лишь в саду или на балконе.

– Ага! – воскликнул страшно довольный Дегтярев. – Призналась! Балуетесь табачком потихоньку! А кто в среду

лгал? Кто говорил: «Я не прикасаюсь к сигаретам, а запах дыма с улицы натянуло, от соседей»? Значит, так, либо мы все ведем здоровый образ жизни, либо я ем ветчину.

– Ира, – каменным голосом приказал Кеша, – поднимись в комнату матери и уничтожь все запасы курева. Надеюсь, ты в курсе, где она заныкала отраву?

– Йес, – кивнула домработница. – Одна пачка в кресле, под подушкой, другая за картиной, на которой нарисован Хуч, третья под ковром, в углу, у стены.

– Действуй, – кивнул Кеша.

Я заморгала. Ну ничего себе! Всегда считала Ирку патологической лентяйкой, которой трудно отодвинуть занавески и протереть подоконник, а она, оказывается, даже под ковер заглядывает. Почему тогда не выгребает оттуда пыль?

Но я отвлеклась. Так вот сейчас, услышав сопение в коридоре, я сообразила, что Дегтярев снова крадетсЯ ни свет ни заря на кухню. Сопение стало громче, потом послышался глухой удар. Очевидно, полковник, стараясь незаметно добраться до лестницы, налетел в темноте на консоль. Давно заметила странную закономерность: ищешь днем по всем помещениям доску для скейта, шарись по углам, но она сквозь землю провалилась. А решишь ночью спуститься во двор покурить, подкрадешься на цыпочках к черному выходу, не зажигая света... Трах-тарарах! Вот она, не найденная днем доска, лежит прямо на дороге.

– Понаставили капканов, – свистящим шепотом пробормо-

мотал в коридоре Дегтярев, – человеку не пройти! Накупили дурацкой мебели на трясущихся ножках!

Заскрипели ступеньки, полковнику удалось найти лестницу, и теперь его сто кило преодолевали последнюю преграду на пути к калорийным бутербродам.

Я схватила халат. Ну, Дегтярев, погоди! Как аукнется, так и откликнется, кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет. Решил отнять у меня сигареты? Сделал мою жизнь дома почти невыносимой? Так я тебе сейчас не позволю открыть охоту на холодильник. Причем действовать стану с циничной жестокостью: подожду, пока Александр Михайлович, преодолев все «капканы», доберется до конечной точки путешествия, откроет дверцу холодильника, обозрит полки, протянет руку к упаковке с сыром, и тут...

Снизу понесся звон, я вскочила с кровати. Пора! Полковник уже в кухне, сейчас толстяк уронил на пол чашку. Надеюсь, он разбил не мой любимый фарфоровый бокал, украшенный изображениями тучных мопсов в красных шапочках?

Со скоростью борзой я бросилась по лестнице вниз. В отличие от неповоротливого Дегтярева хорошо знаю, где у нас что стоит, и всякие там комоды, подставки для цветов и напольные вазы мне не помеха. Ощущая себя быстроногой ланью, я долетела до столовой и... чуть не упала, запнувшись о нечто большое, перекрывавшее вход в комнату.

Я наклонилась и ощупала препятствие. Банди! Питбулю

стало жарко, и он решил слегка остудиться, развалившись на паркете. Интересно, каким образом Дегтярев ухитрился не упасть, натолкнувшись на пса? Или пит приплелся сюда пару секунд назад? Но раздумывать на интересную тему было некогда, из кухни послышался тихий скрип, шорох, чавканье.

На пальцах, словно балерина, я долетела до выключателя и, с размаху ткнув в него, воскликнула:

– Кто это у нас напал на холодильник?

Резко вспыхнувший яркий свет озарил полковника, одетого в уютный голубой велюровый халат.

– Мама! – завизжал Дегтярев и шлепнулся на табуретку. – Это кто?

Я с презрением глянула на толстяка.

– Неужели не узнал? Давай познакомимся. Дарья Васильева. Можно просто Даша.

Александр Михайлович шумно выдохнул.

– Фу! Слава богу, а я уж было подумал, что инопланетные черви из твоей спальни расползаются по Ложкину.

Я прикусила нижнюю губу. Ах он еще и издевается!

Неделю тому назад я, окончательно изведаясь от скуки, поехала в город, в книжный магазин. Хотела купить новых детективов, но на полках стояли лишь старые издания. Увы, мои любимые писательницы Маринина, Устинова и Смолякова решили устроить себе отпуск. В самом отвратительном настроении я порулила на «Горбушку» в поисках дис-

ков с сериалами, но и там меня поджидала неудача – никаких «криминальных новинок», на прилавках лежали filmy, которые я уже успела купить и посмотреть по пять раз.

– Возьмите «Секретные материалы», – предложил один из продавцов.

– Это фантастика, – грустно отказалась я.

– Очень похоже на правду, – начал уговаривать парень. – Страшно, аж жуть, кругом трупы, расследования...

Я вздохнула и приобрела несколько дисков. Вечером всунула один в проигрыватель, потушила в спальне свет, щелкнула пультом, зевнула, посмотрела то ли две, то ли три серии и... неожиданно заснула.

Пробуждение оказалось ужасным. Сначала ожил слух, и до ушей долетел странный, ноюще– свистящий звук, потом мои глаза распахнулись. Не дай бог вам увидеть спросонья то, что узрела я. Из абсолютной темноты, в метре от моего лица покачивался на хвосте гигантский червь с горящими глазами. Это он издавал вой. Я оцепенела от ужаса. В ту же секунду мерзкий «гость» разинул пасть, неожиданно утыканную острыми, загнутыми внутрь зубами, вывалил длинный, лентообразный язык, начал приближаться к моей кровати. Паралич прошел, голосовые связки ожили.

– Помогите! – заорала я. – Убивают! Инопланетные черви-людоеды! Спасите! НЛО!

Первым в спальню, сжимая в руках табельное оружие, влетел полковник. Если вдуматься в ситуацию, то Дегтярев

поступил более чем глупо. Ну разве можно победить инопланетян при помощи примитивной пули? И потом, Александр Михайлович был облачен во фланелевую пижамку, украшенную изображениями кота Гарфельда, подарок Машки на Новый год. Полковник выглядел в ней так забавно, что никакой револьвер не потребуется, зеленые человечки умрут со смеха, бросив беглый взгляд на нашего борца с преступностью.

– Что случилось? – загремел полковник. – Всем стоять! Стреляю без предупреждения!

– Там, там, там... – тыкала я пальцем в покачивающегося червя. – Вон он! Ужас!

Толстяк замер, потом хмуро сказал:

– Это телевизор, ты заснула, не выключив его. Ну-ка, от какого фильма коробка на тумбочке лежит? «Секретные материалы». Понятненько!

Отругав меня, Дегтярев ушел, но с тех пор не упускает момента, чтобы не напомнить о дурацком происшествии.

– Нет, это не инопланетный червь! – рывкнула я. – Что у тебя в руках?

– Сам не знаю, – вздохнул Дегтярев. – Какая-то жуть. Вроде холодная манная каша, но ее почему-то завернули в бумагу. Отвратительная пакость, откусил крошку и тут же выплюнул. Фу!

Я понюхала белый ноздреватый кусок.

– Это тофу.

– Кто? – вытаращил глаза полковник.

– Соевый сыр, – пояснила я, – говорят, страшно полезная вещь.

Дегтярев принялся сосредоточенно чесать переносицу.

– Слушай, а в той кастрюле что?

Я подняла крышку.

– Геркулесовая каша.

– Да? Ты уверена?

– Абсолютно.

– Почему она сизая?

– Ее сварили на обезжиренном молоке.

– Фу, смотрится мерзко, – констатировал полковник. – А на сковородке что?

Я обзрела куски странной, бесформенной субстанции.

– Хм... нечто в панировке.

– Ну а что именно?

– Понятия не имею.

– А ты попробуй, сжуй кусочек.

– Я?

– Конечно.

– Не привыкла завтракать в несусветную рань.

– Но должны же мы узнать, из кого получились комки! – азартно воскликнул полковник.

– Хочешь узнать, сам и кусай.

– Я не очень разбираюсь в тонкостях кулинарии, – закатил глаза Дегтярев, – могу идентифицировать объект непра-

вильно.

– А я не хочу на него даже глядеть.

Александр Михайлович насупился.

– И кефир какой-то водянистый.

– Однопроцентный, – пожалала я плечами.

– В сахарнице несладкий сахар, – голосом обиженного детсадовца протянул толстяк.

– Насколько знаю, Зайка купила фруктозу.

– Соль несоленая.

– Она морская, – закивала я, – очень полезная.

– Почему здоровое питание так отвратительно? – взвыл Дегтярев.

Я хихикнула:

– Вопрос не ко мне!

И тут зазвонил домофон.

– Семь утра, – протянул толстяк, – иди открой дверь.

– Кто из нас мужчина? – рассердилась я.

– На мне халат.

– А я в пижаме.

– Но это явно твои гости, – не сдал позиций приятель.

– Отчего сделал такой идиотский вывод? – уперлась я.

– Я не имею друзей, способных припереться в выходной день без предварительной договоренности, да еще ни свет ни заря! – рявкнул полковник. – Вон как трезвонит, сейчас Зайка вскочит!

– Пошли вместе, – предложила я.

– В этом доме никто ничего без меня сделать не может, – горько констатировал Александр Михайлович и пошлепал в прихожую.

Глава 2

– Немедленно прекратите терроризировать звонок, – загудел полковник и распахнул дверь.

На пороге стоял мужчина лет тридцати, невысокий, полный и, несмотря на молодой возраст, лысый, словно мексиканская собачка.

Узрев Дегтярева, он вытянул вперед пухлые ручонки и с отчаянием воскликнул:

– Папа!!!

Александр Михайлович быстро юркнул за мою спину.

– Простите, вы к кому? – поинтересовалась я.

Незнакомец вытащил из кармана клетчатый носовой платок, трубно высморкался и жалобно сказал:

– К папе.

– Вы ошиблись, – улыбнулась я.

– Нет, мне сюда, – замотал головой нежданный гость и подхватил с пола большую спортивную сумку. – Я запрашивал паспортный стол: Дегтярев Александр Михайлович прописан в Ложкине. Ранее имел квартиру в Москве, но переехал. Полковник. Все сходится. Но тогда он был лейтенант.

– Когда? – высунулся из-за моей спины Дегтярев.

– Папа! – снова взвыл визитер. – Я хочу тебя обнять!

Александр Михайлович вжал голову в плечи и сайгаком кинулся внутрь особняка. Гость шмыгнул носом, потом

грустно сказал:

– Похоже, он не желает меня даже видеть. Между прочим, я провел сутки в дороге: сначала ехал на машине, потом на поезде, затем летел на самолете. Ладно, прощайте!

– Подождите, – попыталась улыбнуться я, – тут какое-то недоразумение.

– Вовсе нет, – скривился лысый пузан, – я давно знаю имя своего отца, просто не хотел тревожить папу. Но годы летят, вот и подумал: вдруг ему нужна моя помощь?

– Входите, – велела я, – сейчас разберемся. Только не шумите, домашние спят. Я – Даша.

– Ой, – робко вскинулся незнакомец, – вы супруга папы? Я шарахнулась в сторону.

– Нет. Никогда не была женой полковника, простите, если разочаровала. Вы лучше представьтесь.

– Тёма, – тихо сказал гость, – вернее...

Договорить он не успел, потому что снова ожил дверной звонок. Забыв посмотреть на экран домофона, я распахнула створку и увидела свою подругу Таню Борейко. Но в каком виде!

На Татьяне криво сидело ярко-красное шелковое платье, один рукав был разорван, второй покрыт пятнами, а из декольте почти вываливался слишком пышный бюст (не так давно Танюшка решила приукрасить себя и обзавелась роскошной силиконовой грудью пятого размера). Подол шикарного наряда был измазан грязью. Май в нынешнем году вы-

дался прохладным и мокрым, Таня, шагая от калитки, основательно испортила дорогой прикид. Волосы Борейко торчали в разные стороны, макияж превратился в черно-красно-бежевые потеки, колготки «радовали» глаз дырками и стрелками, а одна нога оказалась без обуви.

– Привет! – Таня икнула. – Вот, к тебе приехала.

– Зачем? – весьма невежливо осведомилась я.

– У меня б-б-беда, – прозаикалась Танюша, – д-д-домой никак... ик... ик... ик...

Тёма, вытаращив круглые глаза, глядел на Борейко, а та, продолжая издавать странные звуки, выудила из крошечной сумки трясущийся мобильник и, приложив его к уху, проворковала:

– С-с-слушаю! Д-да, я. Че? Не! Че? Не. Че? Да. Я? Не! Совсем! Я? Че? Ну ты, блин, даешь! Я у Дашки. К-какой? Ясный перец, у Васильевой! Мы ж вместе на тусо... ик... ик... Ща, она те сама скажет! На!

Не успела я моргнуть глазом, как Татьяна всунула мне крошечный, похожий на полусгрызенный леденец мобильный и, распространяя сильный запах алкоголя, прошептала:

– Выручай! С-с-скажи моему, что я тут ночевала, ик... ик!

И как бы вы поступили в подобном случае? Я прижала отвратительно выглядящий аппаратик к уху.

– Слушаю.

– Дашута, ты? – загремел в ухо голос Сергея, мужа Тани. – Моя где?

– У нас, в Ложкине, – ответила я.

– Давно? – слегка сбавил тон супруг.

– Извини, не посмотрела вчера на часы, когда ей дверь открывала, – принялась я врать.

– Вы вместе на тусовку ходили?

– Да, – лихо солгала я.

– И куда? – продолжил допрос Серега.

– Послушай, – старательно изобразила я возмущение, – время раннее, сегодня выходной, весь дом спит, а ты трезво-нишь!

– Ну прости, – начал извиняться Серега. – Я в Америке, по делам бизнеса. Не сообразил про большую разницу во времени, здесь вечер. Ты ж знаешь Таньку! Вот я и беспокоюсь. Но раз она у вас, то полный порядок.

Я захлопнула крышку и протянула сотовый покачивающейся Тане.

– Держи.

– С-с-спасибо, – просвистела та, сделала шаг вперед, запнулась о сумку Тёмы, взвизгнула и начала падать.

Мы с женщиной бросились на помощь к терпящей бедствие Борейко, но не успели. Продолжая верещать, словно заклинившая автосигнализация, Танюха рухнула на пол, обвалив вешалку и зонтичницу.

– Ну что за безобразие! – раздался из коридора возмущенный голос Зайки, и через секунду ее хрупкая фигурка, замотанная в розовый пеньюар, показалась в прихожей. – Это

кто? – сердито осведомилась Ольга. – Какого черта они тут?

– Здорово, Ольгунчик! – проорала Танюша, сбрасывая с себя разнокалиберные зонтики. – Беда у меня! Ой, бедища! Вот, пришла у Дашки помощи просить, она одна способна человека спасти.

– Ясно, – кивнула Зайка. – А это твой... э... обоже? Сергей опять в Нью-Йорк улетел?

– Обижает! – воскликнула Борейко. – Зачем мне такой урод? Ты на его пальто глянь! Где только отрыл такое?

– В магазине купил, – робко ответил Тёма. – А что, плохо смотрится?

– Офигительно! – резюмировала Танюха и стукнулась головой о галошницу.

– Если он не с ней, – попыталась добраться до сути Ольга, – то зачем пришел? Причем в такую рань. Милейший, вы сантехник? У нас снова воздушный фильтр сорвало?

– Нет, – вздрогнула я, с ужасом вспоминив недавнюю аварию, когда залило водой весь первый этаж, – это всего лишь Тёма, сын Дегтярева.

Зайка села на галошницу.

– Кто? – растерянно спросила она.

– Эй, поосторожней! – завозмущалась Танька. – Ты мне чуть не на башку плюхнулась, раззява!

– Чей сын? – недоумевала Ольга, разглядывая красного, вспотевшего от смущения Тёму.

– Говорит, что полковника, – вздохнула я. – Знаешь, Зая,

ты отведи парня в столовую, дай ему кофе и выясни ситуацию, а я пока займусь Танюшкой.

– Ладно, – обалдело согласилась Ольга. – Артем, следуйте за мной.

– Я Тимофей, – поправил «сыночек».

– Но ведь представились Тёмой, – напомнила я.

– В паспорте стоит Тимофей Николаевич Ведро, – с достоинством объяснил гость, – но для своих я Тёма.

– Ведро... ведро... Где ведро? – спросила Зайка. – Не вижу никакого ведра. Зачем оно вам? Уж не возите ли в нем вещи?

– Ве€дро – это я, – без тени улыбки пояснил Тёма. – Ударение на первом слогe – Ве€дро, фамилия такая. Неужели никогда не слышали?

– Нет, – решительно ответила Зайка, – с ведром до сих пор не знакомилась, у нас на канале, правда, есть оператор Тачка.

– Ха-ха-ха, – четко произнес Тёма, – вы меня разыгрываете. Таких странных фамилий не случается.

Таня наконец встала на ноги.

– Он идиот, – резюмировала она, – ведро, тачка... Одного поля ягоды.

– Не отвлекайся. Так что у тебя стряслось? – спросила я.

Борейко плюхнулась на галошницу, не в силах долго удерживать вертикальное положение, и завопила:

– Дашка! Спаси! Меня Серега убьет!

– Давай по порядку, – приказала я, – и без лишних эмоций.

Танюха прижала руки к груди.

– Погибаю!

– Спокойно.

– Уже труп!

– Пока еще нет, говори спокойно.

– Прямо тут?

– Можем пойти ко мне в спальню.

Борейко вскочила и, уже совершенно не шатаясь, побежала к лестнице.

– Ты же знаешь Серегу... – причитала она на ходу. – Скупой рыцарь, жадина, сухарь, скукота ходячая! Катастрофа! Он меня выгонит, не простит шубу. Хотя, если подумать, зачем мужику розовая шиншилла?

Я молча поднималась по ступенькам.

С Борейко мы знакомы пятнадцать лет. Танюшка долгое время работала стюардессой, но на борт авиалайнера ее привела не любовь к полетам и небу, а яростное желание выйти замуж. Таня по образованию учительница русского языка и литературы, но скажите, положив руку на сердце, откуда в школе женихи, а? Там и мужчин-то днем с огнем не отыскать! Не считать же за достойную партию вечно пахнущего дешевыми сигаретами физрука или семидесятипятилетнего преподавателя труда? К тому же Татьяне хотелось богатого супруга, способного освободить жену от тягостной

ежедневной работы.

– Понимаешь, – разоткровенничалась один раз Таня, прибежав к нам в гости, – есть женщины-лошади, им на роду написано пахать круглосуточно. А еще бывают наседки, тем положено рожать и заниматься детьми, садом-огородом, бытом. Но иногда, очень редко, на свет появляются райские птицы, на них просто любят. Красота, как известно, спасет мир.

– И ты, значит, из этой уникальной категории? – уточнила я.

– Ага, – без тени сомнения закивала Борейко, – совершенно справедливо. Мне нельзя ни работать, ни готовить, ни рожать. Судьбой начертано иное: украшать жизнь человека, который оценит меня. Надо только во что бы то ни стало найти подобный вариант.

Слов нет, Танюшка хороша, будто фея. У нее хрупкая, стройная фигурка, женщину подобной комплекции трудно представить на огороде с лопатой или с тазом мокрых простыней у проруби. Таня обладает нежной кожей, а на ее личике сияют огромные, наивно-голубые глаза с пушистыми ресницами. Если кто-либо умудряется обидеть Борейко, она моментально краснеет, приводя хамов в откровенное замешательство. Даже самый записной негодяй при виде румянца, наползающего на щеки очаровательной молодой женщины, начинает испытывать муки совести – ну разве можно сделать больно столь чистому, безобидному существу?

Но я отлично знаю Танюшку и могу вас заверить: под личиной этакой Красной Шапочки скрывается терминатор, уверенно идущий по раз и навсегда утвержденному для себя маршруту. Если понадобится, госпожа Борейко, покраснев от злости, преспокойно утопит любого, кто встанет на ее пути к вожаденной цели. Отчего я поддерживаю отношения с Танюшей, хорошо зная такой ее характер? Трудный вопрос. Ну, во-первых, не сразу разобралась в Борейко, долгое время считала ее, образно говоря, незабудкой, во-вторых, лично мне она ничего плохого не сделала, а в-третьих, не так-то легко порвать с человеком, которого знаешь много лет. Кроме того, я испытываю к Танюшке уважение. Поясню. Многие женщины мечтают стать супругой богатого Буратино, но не делают никаких шагов навстречу своему счастью. Просто стонут:

– Ах, где бы встретить свою судьбу?

А вот Борейко – человек действия. Я очень хорошо помню, как она начинала охоту на мешок с золотыми дублонами. Танюшка пришла однажды ко мне и впрямую спросила:

– Подскажи, где можно оторвать богача?

– В ресторанах, саунах, на тусовках, концертах, всяких презентациях, в районе Рублевского шоссе, – стала я перечислять заповедники.

Таня скривилась:

– В сауну мне с мужиками не попасть, разве что в качестве проститутки, но это не тот путь. На тусовках и во вре-

мя всяких сборищ полно баб, там у парней глазенки разбегаются. Рублевка вообщедохлый номер – заборы до луны, охраны полно. Нет, нужно иное место. Такое, чтобы у моего будущего мужа имелось свободное время для приятной беседы с умной красавицей. Я имею в виду себя. И где оно?

Я пожала плечами.

– Не скумекала? – прищурилась Борейко.

– Нет, – честно призналась я.

– В самолете, – торжественно объявила Танюха. – Рейс Москва – Нью-Йорк, бизнес-класс, куча времени, которое пропадает зря, от тоски сдохнуть можно. А тут выхожу я, вся шикарная, и начинаю заботиться о мужике. Решено, иду в стюардессы.

Ради осуществления поставленной задачи Таня сменила профессию и налетала кучу часов. Мне уже порой казалось, что она никогда не добьется успеха. В принципе, расчет ее оправдался: романы в небе завязывались легко. Но столь же быстро они завершались на земле. Другая на месте Борейко, плюнув на мечту и забыв про жар-птицу в небе, схватила бы простую синицу. Но Танюшину упямству могли бы позавидовать все ишаки Средней Азии. И в конце концов добрый боженька сжалился над упертой красоткой – не так давно свел ее с Сергеем Боровиковым, бизнесменом из столицы. Наконец-то Борейко получила богатого супруга. Но Сергей оказался человеком сурового характера, он строго-настрого запрещал супруге одной выезжать на вечеринки.

– Никакой нужды тебе нет шастать по Москве, – твердо заявил Боровиков. – Парикмахер сам прикатит, и портниха придет. Захочешь чего в дом купить, звякни в бутик, примчатся с каталогом. Спортом тоже можно заниматься, не выезжая, зря я, что ли, бассейн и тренажерный зал в коттедже оборудовал? В общем, так: в гости подружек звать не надо и в город, на тусовки, не шляйся!

Таня приуныла и попыталась найти себе хоть какое-то развлечение. Купила компьютер и принялась лазить по чатам, но супруг, великолепно ориентировавшийся во всемирной паутине, мигом прикрыл забаву, сурово заявив:

– Знаю я эти примочки! Сначала просто ля-ля, а затем трах в реале. Вот тебе «Сони плайстейшен», можешь играть до умопомрачения.

Вот такой муженек достался Танюшке. И за последние полгода он стал совсем невыносим.

Единственной отдушиной в жизни Тани стали поездки мужа в Америку. Едва Сергей взмывает в воздух, жена ментально устремляется на вечеринку и пляшет там до потери пульса. К слову сказать, Танюша вовсе не хочет изменять мужу, она не дура, не желает потерять обретенное с таким трудом богатство. Борейко просто скучно, накопленная энергия ищет выход. Сергею следовало бы понять: ничем дурным супруга заниматься не собирается, ей просто необходимо «прогулять» на народе новые драгоценности, похвастаться очередной сумочкой от известного дизайнера или

платьишком от кутюр. Вполне невинные женские шалости! Но Сергея душит ревность. Оказавшись в Штатах, он принимается трезвонить жене с одним вопросом:

– Ты где?

– Дома, – быстро врет Танечка.

А муж напряженно прижимает трубку к уху, пытаясь услышать посторонние звуки и понять: лжет супруга или правда сидит на диване в гостиной площадью с гектар.

На этом свете есть лишь одна подруга, с которой Тане разрешается куда-нибудь прошвырнуться. Это я. Уж не знаю, чем заслужила доверие Боровикова, но он сам говорит жене:

– Скатайся в Ложкино, или сбегайте с Дашей по магазинам.

Одна беда, я терпеть не могу тусовки, а поход по бутикам вызывает у меня прямо-таки золотуху. Иногда, правда, я уступаю просьбам Танюхи и тащусь за ней по коридорам ЦУМа, Петровского пассажа или Крокус-сити. И походы эти сопровождаются регулярными звонками Сергея, на которые я неизменно отвечаю:

– Да, мы вместе, сейчас сядем пить кофе.

Глава 3

Сегодня утром Боровиков улетел в Нью-Йорк, и ажиотированная от предстоящего глотка свободы Танюша живо отпустила всех слуг на выходной. Кстати, прислуга обожает хозяйку и покрывает ее изо всех сил. И шофер, и экономка, и горничная на все вопросы Сергея тупо, почти в традициях позапрошлого века отвечают:

– Татьяна Васильевна сидели-с дома! Никуда не ходили-с! Вышивали-с крестиком подушку!

В качестве доказательства могут еще и продемонстрировать думку в гобеленовой наволочке. А вообще-то горничная Ленка – страстная рукодельница, вот она и обеспечивает хозяйке алиби. Глянет Сергей перед отлетом на пальцы, там одна кошачья головка вышита, а вернется из Штатов – ба, целая киска крестиком вымудрена. И муж доволен: ай да женушка у него, просто Василиса Прекрасная!

Одним словом, прислуга стоит за Танюшку горой. Один раз Борейко чуть не попалась – слегка ошиблась, высчитывая день возвращения супруга. Сергей сказал, что прибудет в Москву в ноль часов двадцать минут третьего числа. То есть его самолет прилетал фактически в полночь, со второго на третье. А Танечка перепутала, ждала супруга на сутки позже, и за пару часов до его прибытия отправилась в клуб. Хорошо хоть прикатила назад в час ночи. Не успела она до-

ползти до своей спальни, как раздался звонок.

– Котеночек, – проворковал Сергей, – я уже в VIP-зоне, скоро принесут багаж, и рвану домой.

Танюшка похолодела. Мало того, что она основательно выпила на тусовке, так еще испачкала платье, туфли, израсходовала весь бензин в машине, намотала километры на спидометре... У бедняжки началась истерика. Но прислуга мигом взялась за дело, и, когда муж вошел в дом, его встретила идиллическая картина: любимая женщина в уютном халате, без макияжа, с волосами, стянутыми в хвостик, сидела у теллика с вышиванием в руках.

– Чем у нас пахнет? – насторожился Сергей, целуя женушку.

– Я тут заболела, – грустно ответила Танюша и фальшиво раскашлялась, – бронхит, а может, даже грипп. Пришлось воспользоваться советами народной медицины, есть чеснок чуть ли не головками. Уж извини, небось запах ужасный.

Боровиков заулыбался. Он сразу сообразил, что дама, налопавшись чеснока, не способна отправиться на тусовки. Но, будучи более чем подозрительным человеком, он пошел в гараж и осмотрел машину своей второй половины. Джип был покрыт ровным слоем пыли, а километраж оказался таким же, как перед отъездом мужа в Нью-Йорк. Думаю, можно было бы не упоминать и о том, что вся одежда шалуни, совершенно чистая и сухая, находилась в гардеробной на своих местах.

Танюшка, хихикая, рассказала мне об этом конфузе. Я пришла в изумление. Ладно, шмотки быстро выстирали и высушили, почистить обувь труда не составило, скрутить спидометр тоже легко, но как водитель ухитрился запылить джип? Хорошо, он ловко вымыл машину, а потом-то что? Не иначе у парня предусмотрительно припрятан в гараже контейнер с каким-нибудь серым порошком, и в нужный момент он насыпает его в распылитель. И еще одно мне непонятно. Почему прислуга обожает Таню, способную орать и швырять об пол тарелки? По какой причине стоит за нее горой? Отчего совместными усилиями водит за нос спокойного, вежливого Сергея, никогда не задерживающего выплату немаленькой зарплаты? Нет ответа на поставленные вопросы, есть просто факт: Танюшка ловко выскакивает из воды, не замочив даже ноги.

Но сегодня она, похоже, влипла в какую-то особенно неприятную историю.

У Боровикова имеется замечательная привычка. Каждый раз накануне отъезда в длительную командировку Сергей отправляется в магазин и покупает жене подарок. Чаще всего это драгоценности. Сжимая в руках бархатную коробочку, бизнесмен подходит к супруге и восклицает:

– Милая, не скучай без меня!

Танюша, великолепная актриса, начинает шмыгать носом, пускает слезу и стонет:

– Я тебя совсем не вижу, мне грустно, одиноко...

Сергей обнимает «страдалицу» и протягивает презент.

– Вот тут тебе небольшой сувенирчик, – щебечет мужчина, – маленький пластырь на большую рану нашей разлуки.

Танюшка взвизгивает и принимается мерить очередное украшение – кольцо, ожерелье, браслет или сережки.

Но вчера, перед отъездом в аэропорт, Сергей нарушил традицию: на сей раз он приволок женушке манто, причем такое шикарное, что у Тани в зобу дыхание сперло. Она до сих пор не встречала подобной шубы, а у нее их штук десять в гадеробе имеется – естественно, норка, а еще каракульча, рысь, бобр, леопард, лиса, горностай... В общем, сейчас Сергей удивил женушку до остолбенения.

Новое манто было из шиншиллы. Отчего шкурка этого грызуна, серо-голубая и, на мой взгляд, сильно похожая на самого обычного кролика, стоит бешеных денег, мне неизвестно. И почему шиншилла считается самым изысканным зверем для модниц? Даже соболь, баргузинский, страшно редкий, и тот идет дешевле.

Так вот. Боровиков приобрел манто из неоправданно дорогой родственницы домово́й крысы. Но какое! Шубка была связана из узких полос розового меха! Да-да, шкурки шиншиллы имели цвет взбесившейся Барби! Вместо пуговиц на шубейке торчали крупные брюлики, а поясом служила золотая цепь, на которую пошло, думаю, не меньше килограмма благородного металла. По самым скромным подсчетам, манто стоило столько, сколько приличный домик в Подмоско-

вье.

Увидав обновку, Танюшка обомлела, а потом бросилась супругу на шею.

– Понравилось? – улыбнулся Сергей. – Ну, будь умницей, вернись – «прогуляем» прикид в нашей деревне.

Пообещав жене увлекательную прогулку по дорожкам поселка, муж улетел в Америку, а Танечка осталась дома. Ясное дело, она долго не просидела в гостиной, собралась в мгновение ока и рванула на день рождения к Марине Волковой. Борейко чувствовала себя совершенно в безопасности: Сергей сидит в самолете, мобильный в полете включать не положено, следовательно, супруга имеет свободную ночь и может плясать до упаду, пить любимый коктейль «Звезда России» и сверкать брюликами. Но главное, Танюша решила продемонстрировать свое уникальное манто. То, что на дворе стоит май, совершенно ее не смутило. Кое-кто из светского общества и в августе приходит на тусовку, замотавшись песцями – в конце концов, вечерние платья сильно декольтированы, а дресс-код позволяет мех в любое время года, главное, чтобы он не был синтетическим. Как ни свирепствуют «зеленые», модные дамы не собираются набрасывать на плечи норку, сделанную из отходов нефтяного производства.

Танюша повеселилась от души: настроение имениннице Маринке Волковой она своей обновкой испортила по полной программе. Борейко выбрала самый правильный момент для появления на чужом празднике – явилась с двухчасовым

опозданием, встала на пороге с роскошным букетом в руках и крикнула:

– Марина, извини, такие пробки!

Волкова обернулась, увидела шубу, покраснела, онемела, а потом, забыв о тусовочных правилах, предписывающих никогда не показывать, как тебя удивила одежда другого человека, нервно воскликнула:

– Из кого пальтишко?

– Ерунда, – махнула рукой Танюша, – розовая шиншилла.

– Такой не бывает, – дрожащим голосом возразила Волкова.

– Их всего двадцать штук в мире, – улыбнулась Борейко, – восемнадцать мне на шубенку пошли, две на развод оставили.

У Волковой больше не нашлось слов. Женская половина приглашенных ринулась щупать манто, Танюшка ощутила себя тотально счастливой и принялась за любимый коктейль. Для тех, кто не в курсе, поясню: «Звезда России» – убойное пойло, в его состав входят совершенно несочетаемые, на мой взгляд, составляющие: коньяк, шампанское, водка, ликер, сливки и несколько оливок.

Танюша не помнит, сколько бокалов она выкушала. Очнувшись в своей машине, в грязном платье, без одной туфли.

– Да уж, – вздохнула я, – оттянулась...

Танечка упала на мою кровать.

– Дашка, помоги! Сергей меня убьет!

– Но муж уже успокоился, – улыбнулась я, – позвонил, убедился, что ты у нас.

– Нет-нет! Он же вернется, – запричитала Танюша.

– Конечно, – кивнула я. – Отчего ты впала в истерику? Боишься, супруг заметит пропажу обуви? Эка ерунда, поезжай, купи себе новую пару. И потом, я сильно сомневаюсь, что Боровиков помнит все твои туфли да ботинки. Сколько их у тебя?

– Не знаю, – всхлипнула Танечка. – Пар сто пятьдесят или, может, двести.

– Выброси оставшуюся «лодочку» и спи спокойно.

– Ты дура! – возмутилась Танюша. – А шуба! Она пропала!

Я села в кресло.

– Ты потеряла мантию? С ума сойти! Где? Когда?

Борейко развела руками.

– Не помню.

– Попробуй сосредоточиться.

Танюша попыталась и наморщила в раздумьях лоб.

– Нет, не могу!

– Сделай усилие.

– Не получается.

– Давай вместе. Просто отвечай на мои вопросы, – велела я.

– Ты вошла в зал... Так?

– Ага.

– Поболтала с Маринкой.

– Верно.

– Начала пить коктейли.

– Точно.

– Дальше что?

Танюша устала в окно.

– Ну... стали подходить бабы, про шубу спрашивали.

– Кто?

– Лара Ведерникова, Настя Лапкина, Карина Коралли, – медленно загибала пальцы Таня, – Лариска мне коктейль принесла, Настька попросила манто померить...

– Ты дала?

– Конечно, – кивнула Таня.

– Она его вернула?

– Ага.

– Точно?

– Стопудово! – снова кивнула Танечка. – Потому что потом Коралли его натянула и покружилась перед нами.

– Хорошо. А Карина шубу сняла?

Танюша затеребила выбившуюся из прически прядь.

– Э... э... не помню.

– Сконцентрируйся! – приказала я. – Вот Кара вертится перед тобой в манто и...

– Она сказала: «Какое легкое, прямо невесомое». Я схватила еще один бокальчик и... и... и...

– И?

– Карина сняла шубу, – медленно протянула Танюша, –

и... и... Вспомнила!

– Ну вот видишь, – обрадовалась я.

– Кто-то сзади воскликнул: «Ой, ну и шубка! У меня такой никогда не будет», – затараторила Танюша. – А я ответила: «Хочешь, забирай ее себе, дарю».

– Ты с ума сошла!

– Пьяная была.

– Это не оправдывает идиотства! – возмутилась я. – И что случилось дальше?

– Она схватила манто.

– Кто?

– Ну... женщина.

– Как ее зовут?

– Понятия не имею, – всхлипнула Танюша. – Я к ней спиной стояла, лица не видела. Вот сволочь! Воспользовалась тем, что я выпила, и увела шубку. Сергей меня убьет! Как объяснить ее исчезновение? Все пропало!

Огромные слезы покатались по щекам Танюшки, из груди подруги вырвались рыдания, растрепанная голова рухнула в мои подушки.

– Прекрати, – поморщилась я.

Танюша высморкалась в край наволочки и заломила руки.

– Дашута, помоги!

– Каким образом?

– Найди шубу, немедленно!

– Боюсь, не справлюсь с такой задачей, – быстро ответила

я.

– Все знают, что ты детектив, – вцепилась в меня Борейко.

– Это сильно сказано.

– Кто выручил из беды Макса Полянского? ¹

– Я.

– Кто нашел убийцу Роди Кутепова? ²

– Я.

– А кто разрулил ситуацию с Милой Звонаревой? ³

– Я.

– Вот ты какая! – с невероятной обидой проговорила Татьяна. – Всем помогаешь, кроме меня. Разве красиво? Представляешь, где я окажусь, если манто не найдется? Мне придется переехать жить в Ложкино.

– Почему? – откровенно испугалась я.

– Да потому, что Сергей меня на улицу выгонит, – зарыдала Танечка и опять стала вытирать лицо подушкой. – Он такой ревнивый!

Я оглядела окончательно испорченную наволочку. Действительно, ужас. Боровиков моментально заподозрит женушку в измене. Можно, конечно, попытаться купировать ситуацию, наврать Сергею, что мы ходили на вечеринку

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Жена моего мужа», издательство «Эксмо».

² См. книгу Дарьи Донцовой «Полет над гнездом Индюшки», издательство «Эксмо».

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Стилист для снежного человека», издательство «Эксмо».

вдвоем, Танюшка сдала шубейку в гардероб, а та исчезла с вешалки. В принципе, подобное возможно. Но, к сожалению, манто неприлично дорогое. Потеряй Таня серьгу или кольцо, муж бы спокойно пережил случившееся. Почему? Ладно, открою вам страшную тайну: абсолютное большинство светских персонажей носит фальшивки. Настоящие раритетные драгоценности лежат в банковских сейфах, их вынимают из железных шкафов раз или два в год, по особым случаям, а на затрапезные вечеринки вешают на шею и надевают в уши имитацию. Кстати говоря, подлинные колье и подвески застрахованы. Даже если у вас сопут браслет, соответствующая компания оплатит его стоимость. Конечно, жаль лишиться колечка или броши, но горечь утраты подсластит компенсация.

– Шуба застрахована? – повернулась я к Танюше.

– Нет, – всхлипнула та. – Серега собирался вызвать агента, вернувшись из Америки.

– Плохо дело, – нахмурилась я. – Предположим, совру, что была с тобой, а манто испарилось с вешалки. Так Сергей устроит следствие, и живо выяснится правда: госпожа Борейко прибыла на тусовку в гордом одиночестве и рассекала по залу в своей розовой шиншилле, вливая в себя безостановочно коктейли.

Таня судорожно зарыдала, я уставилась в окно. Боровиков выставит женушку вон, и куда прилетит райская птичка? Можно не ходить к гадалке, чтобы получить ответ на постав-

ленный вопрос: Танюша переберется к нам, и все домашние начнут высказывать Дашутке свое «фи». Почему претензии предъявят мне? Так ведь Борейко чья подруга? К тому же Ольга терпеть не может Татьяну, считает ее непроходимой дурой. А Аркадия просто перекашивает при виде нашей «колибри». Выгнать Таню я не сумею... Да и куда ей идти? Возвращаться в десятиметровую комнату в коммуналке?

– Послушай, – потрясла я дурочку за плечо, – ты купила себе новую квартиру?

– Нет, – простонала Таня.

– Имеешь в собственности лишь ту, прежнюю, коммунальную нору?

– Ага.

– Но почему ты не позаботилась о запасном аэродроме? Отчего не приобрела хотя бы симпатичную «двушку»?

Таня распахнула глаза, моргнула раз, другой, третий, потом схватилась за сердце и совершенно трезвым голосом осведомилась:

– Считаешь, все? Конец богатой жизни? О... О... Нет! Кстати, твои гостевые спальни свободны?

– Одна – да.

– Не занимай, – заплакала Таня. – Скоро приеду, нищая, голая, голодная, разбитая. Пойду босиком из Москвы по Новорижскому шоссе, сквозь дождь и снег...

– Сейчас май, – напомнила я.

– Скоро зима, – всхлипнула Таня.

Из моей груди вырвался протяжный стон. Нет, ради собственного спокойствия придется искать шубу.

– Прекрати реветь! – приказала я. – Скажи, Карина Коралли присутствовала в момент, когда неизвестная тебе женщина забирала манто?

– Ага, – уныло ответила Танюша.

– Вот и все! Проблема, считай, решена, – улыбнулась я. – Давай телефон Кары, сейчас звякну ей, узнаю имечко не потерявшейся тетки, прихватившей шиншиллу, съезжу к даме и заберу манто. Голову на отсечение даю, нахалка тоже набралась по самые брови и теперь пытается сообразить, откуда у нее шубенка.

– Так она и отдаст розовую шиншиллу... – усомнилась Танюша.

– Насколько поняла, вещь уникальна, – попыталась я растолковать подруге суть вопроса, – второй такой в Москве нет.

– Подобной и в России не найти, – кивнула та.

– Следовательно, дамочке ее не продать и даже не надеть. Ясно? Ее могут обвинить в воровстве. Давай телефон Карины Коралли.

Танюша вскочила с кровати.

– Он в мобильном, щас в машину сбегаю.

Глава 4

Желание сохранить статус жены богатого мужа придало Татьяне резвости. Но через пять минут она вернулась назад с воплем:

– Сотовый посеяла!

– Погоди, – напомнила я, – тебе же Сергей звонил, совсем недавно!

Таня закивала:

– Верно.

– Значит, мобильный лежит в прихожей.

– У меня их два, – понизив голос, объяснила Танюшка. – Один для Сереги и тебя, другой для остальных. Ты ж знаешь, какой Боровиков ревнивый, извел бы вопросами: кто трезвонит, зачем, где номерок взял... Про второй мобильник он не знает.

– А вдруг бы он в его присутствии зазвонил?

– Не, я его в машине прячу.

– Все равно опасно, муж мог случайно обнаружить телефон.

– Ерунда, сказала бы, что ты забыла, – ухмыльнулась Танюша. – А если бы начал шарить в записной книжке, ни хрена не понял бы, там сплошные клички.

– Ты просто суперагент, – восхитилась я.

– Жизнь с Боровиковым и не такому научит.

– Значит, второй телефон испарился...

– Ага, – закивала Танюша. – Куда ж я его подевала?

– И номера Коралли мы не имеем, – подытожила я.

– Ты знакома с Ирой Левинской?

– Да, – кивнула я.

– Звони ей, – велела Танюшка, – Коралли ее расчудесная подружка.

Спустя десять минут недовольный сонный голос Левинской продиктовал нужные цифры. Я, полная энтузиазма, набрала номер и услышала:

– Какого черта?

– Карина?

– Ну?

– Я вас, наверное, разбудила. Простите, пожалуйста, это Даша Васильева.

– Кто? – зевнула Коралли.

– Бывшая жена Макса Полянского, свекровь Ольги Воронцовой, нашей телезвезды, мать Аркадия, адвоката, который...

– Здравствуйте, Даша, – окончательно проснулась Кара. – Давно вас не видела. Как дела?

– Спасибо, хорошо, – вежливо ответила я. – Карина, у меня к вам вопрос.

– С удовольствием отвечу, если только он не связан с моим возрастом и количеством ботокса на лице, – хихикнула Коралли.

– Нет, – подхватила я нить беседы, – все намного проще.

Вы вчера были в гостях у Марины Волковой?

– Только вернулась от нее.

– Вы видели Татьяну?

– Которую? Суре? Конечно, она шикарно выглядит... – зачастила Карина.

– Не о ней речь, – попыталась я перебить Коралли, – а о...

– Мушкиной? – не дала мне договорить Карина. – Цветет и пахнет, и...

– Вы с Борейко знакомы? – вновь вклинилась я в трескотню Коралли.

– Ах, эта... Ну... да. Очень противная особа.

Я ткнула пальцем в клавишу громкой связи, и нервный голосок Карины загредел на всю спальню.

– Крайне невоспитанная дамочка. В наши демократические времена не принято кичиться богатством. Это же моветон, выставлять напоказ брильянтовые кирпичи, а Борейко всякий раз пытается затмить собой новогоднюю елку. Смешно. Кстати, у нее дико ревнивый муж, говорят, он не разрешает ей одной никуда ходить, наша Танечка оттягивается лишь тогда, когда ее Отелло сваливает в загранку. Странно, что никто еще не донес козлу, чем его половина занимается, пока муженек «капусту» зарабатывает.

Я глянула на Таню. Та, сжав кулаки, уставилась на тараторящую трубку, словно на гремучую змею.

– Вчера она явилась на вечеринку в ужасной шубе, – ра-

достно сплетничала Коралли. – Опустим тот факт, что для длинного манто уже не сезон. Небось ей только-только его купили, вот и приперлась. Господи, Даша, вы бы видели этот кошмар! Розовый кролик!

– Шиншилла, – быстро поправила я.

– О, нет, конечно, самый простецкий зайчик с пуговицами от Сваровски. Варварское великолепие, шик рабочих окраин, мечта штукатурщицы из деревни Хрюково. Вульгарная вещь!

– Значит, видели манто?

– Ну конечно. Восхитительная безвкусица, как раз для Борейко.

– Сука! – подскочила Танюша.

Я быстро приложила палец к губам и продолжила допрос:

– Вроде вы его мерили?

– Да, – нехотя призналась Карина. – А как следовало поступить? Стою себе тихонечко в маленьком черном платье, и тут появляется Борейко, трясет крашеными останками кролика и восклицает: «Хочешь набросить красоту?» Отказать? Пришлось примерить. Мрак!

– После вас кто взял шубу?

– А что?

– Понимаете, манто пропало.

– Вау! – завопила Карина. – Где?

– На тусовке. Его мерили и не вернули.

– С ума сойти... – прошептала Коралли. – Уж не меня

ли подозреваете? Надеюсь, Боровикову не придет в голову идея посчитать бедную Карочку воровкой? Я держала в руках шубу, но вернула ее. Господи, да она стоит дороже моей квартиры!

– Кролик? – ехидно осведомилась я.

– Это шиншилла, – грустно признала Коралли. – Причем не крашенная. Уж не знаю, чем кормили грызуна, чтобы добиться такого цвета. Может, давали ему котлетки из марганцовки? Офигенно дорогая вещь. Хоть Танька и противная выскочка, но мне ее жаль. Потерять такое манто!

– Люди говорят, что вы его не отдали, – нагло заявила я. – Знаете, Карина, я испытываю к вам искреннее расположение, поэтому спешу предупредить: Борейко абсолютно уверена, шубейку взяла померить и заныкала Коралли.

– Да нет же! – испугалась Карина. – Я ее точно сняла и вернула Таньке, а та... та... О! Вспомнила! Борейко сразу напилась, да, ужралась в момент. Небось уже тепленькая прикатила, она бухает сильно...

– Ах ты сука! – снова ожила Танюшка.

Я укоризненно глянула на подругу, а Коралли, не подозревавшая о том, что Борейко сидит сейчас около трубки, весело продолжила:

– Всегда под газом ходит: коньяк, водка, пиво... Брр! Наверное, скоро на кокаин перейдет. Так вот, манто она у меня выхватила и какой-то девке дала.

– Кому?

– Не знаю, первый раз ее видела.

– Можете описать внешность девушки?

– Легко. Такая стройная.

– Цвет волос?

– Блондинка.

– А глаза?

– Наверное, голубые.

– Особые приметы?

– Что?

– Ну, может, шрамы, родимые пятна.

– Не-а, – протянула Коралли, – Ванька таких не любит.

– Кто?

– Ваня Болтов, – пояснила Карина, – хозяин издательского дома «Хи».

– А он тут при чем?

– Так блондинка с ним пришла! – завопила Коралли. – Абсолютный Ванькин типаж! Волосы длинные, юбка до пупа, грудь силиконовая, ногти гелевые, мозги резиновые.

– Вас не затруднит дать мне координаты Болтова?

– Дерьмо вопрос! – взвизгнула Коралли, начисто позабыв о хорошем воспитании. – Правда, имею лишь его рабочий номерок, он мобильный никому не сообщает. Сукин сын! Точно, его девка шубу сперла! Я, если надо, подтверждаю! Можете на меня рассчитывать!

Записав цифры, я попрощалась с Кариной и глянула на Таню.

– Мерзкая дрянь, – ожила Борейко. – Не поверишь, каждый раз, при любой встрече, мне на шею кидается и в любви клянется.

– Тебя удивляет двуличие завсегдатаев светских вечеринок?

– Нет! – рывкнула Таня. – Но есть же предел!

– По-моему, сейчас надо срочно звонить Болтову, – переключила я внимание Борейко в иное русло.

– Начинай, – скомандовала Танюша.

Я невесть почему моментально подчинилась приказу.

– Бур-бур-бур-бурмедиа, – пропело из трубки, – рады вашему звонку. Наберите номер нужного сотрудника в тональном режиме или дождитесь ответа секретаря. – В трубке шелкнуло. – Здравствуйте, меня зовут Олеся. Чем могу помочь?

– Соедините, пожалуйста, с господином Болтовым.

«Ту-ту-ту» раздалось в трубке.

– Слушаю вас, я – Анна.

– Мне нужно побеседовать с Ваней Болтовым.

– Иван Николаевич на совещании.

– А когда освободится?

– На какое время вам назначено?

– Э... э... на сегодня, на... час дня... хотя могла перепутать.

– Минуту. Вы господин Убейконь?

Танюшка зажала рот руками и упала в подушки. Я, стара-

ясь сохранить спокойствие, ответила:

– Верно, Убейконь. Но я женщина.

– Бога ради, простите! – оживилась секретарша. – Мы ждем вас, как договаривались, ровно в тринадцать. Иван Николаевич весь в предвкушении встречи.

Я швырнула трубку на стол.

– Значит, так. Сейчас поеду к этому мачо, владельцу журнала о тряпках, вытрясу из него телефон и адрес девицы, скачаюсь к красотке, отберу шубу и вернусь сюда в компании с твоей шиншиллой.

– Супер, – сонно прошептала Танюшка и начала заползать под одеяло.

– А ты спускайся вниз и устраивайся в гостевой комнате.

– Мне и тут классно.

– Это моя спальня.

– И что? Пролежу матрас? Не вредничай, – пробубнила Таня и блаженно закрыла глаза. – Я всю ночь не спала, страшно устала... Покемарю тут, пока смотаешься. Ты особо не задерживайся!

Подпихнув под себя подушку в измазанной остатками своей косметики наволочке, Танюшка, забыв скинуть вечернее платье и изодранные колготки, натянула на себя пуховую перинку и засопела. Я покачала головой. Наша райская птичка абсолютно уверена, что является подарком, все рады увидеть Танюшу у себя дома в любое время и каждый готов освободить для красавицы собственную постель.

В приемной Болтова меня встретила роскошная блондинка.

– Вы к нам? – с самой счастливой улыбкой воскликнула красавица.

– Мне назначено на тринадцать, – кивнула я и представилась: – Госпожа Убейконь.

– Сделайте одолжение, присядьте на минуточку, – попросила девушка.

Я устроилась на холодном, скользком кожаном диване и стала рассматривать окружающий пейзаж. Бело-черные стены, увешанные фотографиями, красная мебель, двери цвета огнетушителя, подвесные потолки с мерцающими лампочками и столы, похожие на железных пауков, – в общем, разбушевавшийся хайтек в самом жутком его проявлении.

– Эй ты! – послышалось слева.

Мы с секретаршей одновременно повернули головы, и я моментально рассердилась на себя: не следует реагировать, если некто в вашем присутствии издает бесцеремонный оклик. А с ним в приемную с топотом ввалился потный дядька в грязных джинсах и сильно мятой рубашке.

– Эй ты! – повторил он и, ткнув в блондиночку корявым пальцем, продолжил: – Скажи там, я пришел.

– Вам назначено? – изогнула правую бровь секретарша.

– Верно, – кивнул нахал и плюхнулся в кресло.

До меня моментально долетел «аромат» пота и несвежей рубашки. Очевидно, до блондиночки-секретарши тоже до-

неслось сие амбре, потому что на ее личике возникла совершенно непрофессиональная гримаса отвращения.

– Ну? Чего уставилась? – буркнул мужчина. – Вали в кабинет и дерни начальника за жопу.

– Назовите вашу фамилию, – каменным тоном попросила девица.

– Офигела? Это я. Не узнала?

– Простите, нет.

– Ну и дура! Я Убейлошадь, – гаркнул хам. – Болтов в час дня должен меня принять.

Блондиночка кашлянула.

– Вас в очереди нет.

– Еще почему?

– Очевидно, не записывались.

– Чушь! Лично звонил. Дай сюда ежедневник.

– Нет, – твердо ответила блондинка, – это секретный документ.

– Чего? – рявкнул дядька. Потом он встал, подошел к столу, схватил, несмотря на причитания блондинки, толстую амбарную книгу и заорал: – Дура слепая! Вот стоит: Убейконь!

– Вы представились по-иному, – возмутилась блондинка, – сказали: Убейлошадь.

– Мне еще не удалось встретить в этом городе человека, способного правильно записать такую простую фамилию, – зашипел мужчина. – Вечно все перепутать норовят! Вчера

одна идиотка выдала мне пропуск, где стояло «Сдохнипони». Убейконь – это я, то есть Убейлошадь! Ты неверно нацарапала фамилию!

– А вот и нет, – с торжеством воскликнула блондиночка, – я крайне внимательна. Кроме того, Убейконь сидит на диване. Это ее в тринадцать ноль-ноль с нетерпением ждет Иван Николаевич!

Нахал на секунду опешил, но сразу опомнился и завизжал:

– Кто тут Убейконь?

– Она, – указала на меня блондиночка.

Нахал подлетел к дивану.

– Убейконь?

– Оставьте меня в покое, – ответила я.

– Нет, отвечай, ты Убейконь?

– Верно.

– Паспорт покажь!

– С какой стати?

– Потому что я Убейлошадь, – затопал грязными ботинками хам. – А ты кто, чмо перелетное?

Блондиночка сделала быстрое движение рукой, и в приемной материализовались два охранника.

– Что случилось, Лика? – поинтересовался один секьюрити.

– Буянит, – коротко ответила секретарша.

– Пройдемте, гражданин, – ласково попросил противного дядьку сотрудник службы безопасности.

– Я Убейлошадь! – пошел вразнос посетитель. – Вам ясно? Охранники переглянулись и схватили крикуна за руки.

– Уж извините, – заявил старший из них, – не наше дело, кого вы прихлопнули, лошадь, корову или курицу...

– Главное, чтобы у нас в офисе тишина стояла, – закончил второй.

– Идиоты! – замотал головой мужчина. – Я Убейлошадь, а не конь! Кони тут ни при чем!

– Сейчас разберемся, – пообещали секьюрити и уволокли матерящегося мужика.

– Бывают же такие люди... – вздохнула с облегчением секретарша. – Интересно, когда он в последний раз мылся?

– Похоже, на Новый год, – усмехнулась я.

– Лика, – донеслось из селектора на столе, – приглашай гостя.

Девушка вскочила, распахнула дверь и бойко защebetала в мою сторону:

– Иван Николаевич на месте. Ровно тринадцать, у нас все по графику.

Глава 5

Болтов встал и сделал широкий жест рукой.

– Прошу вас.

Я села на стул, стоящий возле огромного стола, сказала приветливо:

– Добрый день.

Иван Николаевич бросил быстрый взгляд на лист бумаги, лежавший перед ним, затем глянул на меня, снова на бумагу, опять на меня и тихо спросил:

– Вы Уничтожькобылу?

– Наверное, в записи должно стоять «Убейконь», – усмеялась я.

– Ах, эта Лика! – возмутился глава издательского дома. – Вечно все путает и ставит меня в идиотское положение. Представляете, она положила на стол памятку: в час дня записан Владимир Иванович Уничтожькобылу, хозяин модельного агентства «Звезда». Ладно, фамилия сложная, но вы никак не можете быть Владимиром Ивановичем.

Я улыбнулась. Иван Николаевич тоже растянул губы, и сразу стало понятно: мачо не тридцать лет, его возраст перевалил за сорок. Просто Болтов следит за собой, скорее всего, посещает тренажерный зал, ходит в бассейн, в солярий.

– Чем могу служить? – разом погасил улыбку хозяин гламурного журнала.

– Меня зовут Даша Васильева, – представилась я. – Очевидно, вы знакомы с моим бывшим мужем, Максом Полянским, и встречались с невесткой, Ольгой Воронцовой, она ведет телепередачу про спорт. Вполне вероятно, что слышали и о моем сыне Аркадии, он известный адвокат.

Глаза Ивана Николаевича потемнели.

– Вы та самая Васильева? Вдова барона Макмайера? Лика, Лика! Ну, куда подевалась краса ненаглядная!

Дверь приоткрылась, блондинка всунула голову в кабинет.

– Звали?

– Да! – сердито воскликнул начальник. – Живо кофе для VIP-гости.

Отдав указание, Болтов повернулся ко мне.

– Совершенно не понимаю, где люди берут толковых сотрудников, – пожаловался он. – Придешь в какой-нибудь офис, тут же помощники суетиться начинают. А я плачу хорошие деньги и каждый раз вынужден сам рулить процессом. Неужели не понятно девчонке: если в кабинете посетитель, его следует угостить. О, вот и кофеек!

Осторожно перебирая длинными ногами, Лика вступила в кабинет. Сделав пару шагов, она с грохотом плюхнула на маленький столик круглый железный поднос и, развернувшись, собралась уходить.

– Эй, эй! – остановило ее начальство. – Подай чашки гостю и мне. Что там налито?

– Кипяток, – сообщила Лика. – Банка с кофе рядом, еще печенье с сахаром. Конфеты кончились, я сходить не успела.

Болтов покраснел и процедил сквозь зубы.

– Исчезни!

Лика пожала плечами и выскользнула в приемную.

– И что прикажете с ней делать? – вздохнул Иван Николаевич. – Выгнать? Так другая еще хуже будет.

– А вы наймите женщину лет пятидесяти, – посоветовала я, – опытную секретаршу, она не подведет. Кстати, я не вдова барона Макмайера, его женой была моя сестра Наташа.⁴

– У нас гламурный журнал, – не обратил никакого внимания на мое уточнение хозяин кабинета, – обязаны соответствовать. В приемной издательского дома «Хи» посетители ожидают увидеть какую-нибудь мисску, а не каргу древнюю.

– Замечательно, – согласилась я, – поставьте у входа два стола, посадите справа брюнетку в красном, слева блондинку в голубом, запретите им разговаривать по телефону и общаться с посетителями. У красавиц должна иметься под рукой большая кнопка, и они обязаны выучить всего одну фразу: «Здравствуйте, садитесь». После этого пусть жмут на пупочку, тут же из кабинета выйдет секретарь, дама в строгом деловом костюме, и займется человеком. А брюнетка с блондинкой будут сидеть и улыбаться. Не следует впрягать в одну телегу коня и трепетную лань, нельзя требовать от мис-

⁴ История семьи Макмайер рассказана в книге Дарьи Донцовой «Крутые nasledнички», издательство «Эксмо».

ски работы, она райская птичка, украшение. Вы же не предполагаете, что мопс станет выполнять обязанности сурового охранника? Мопсик милый пес, ласковый компаньон, а коли хотите обезопасить территорию от непрошенных гостей, заведите белого аргентинского дога, ротвейлера или немецкую овчарку, вот мимо них и муха не пролетит. А вы решили, образно говоря, купить телевизор и стиральную машину в одном флаконе. Ясное дело, агрегат не работает. Я понятно высказываюсь?

Иван Николаевич потер затылок.

– Да. Почему мне не пришло в голову столь простое решение? Две дуры и нормальный секретарь?

Я пожала плечами.

– Сама иногда задаю себе подобные вопросы. Отчего выпускаю в дом гостей? Ведь способна снять им номер в гостинице. Вот сейчас у нас в Ложкине сразу два посторонних человека. Кстати, вы вчера были на дне рождения Марины Волковой?

Болтов раскрыл ежедневник.

– Простите, какое сегодня число? – растерянно спросил он.

– Понедельник, пятнадцатое.

– А месяц?

– Май. Год сказать?

– Спасибо, его я помню, – совершенно серьезно ответил

Болтов. – Нет, никаких тусовок нет.

– Я спрашивала о вчерашнем дне.

– Это какое число?

– Четырнадцатое, воскресенье.

– А месяц?

– Май, – терпеливо повторила я.

– Секундочку, сейчас, – протянул Болтов, – двадцать ноль-ноль, ресторан «Квазимодо». Ну и названьице... Мари-на Волкова. А кто она такая?

– Женщина, – терпеливо пояснила я. – Вы там были?

– Да, – с легким сомнением ответил Иван, – вроде так.

– Неужели не помните?

Болтов потряс ежедневником.

– Тут каждый день по пять мероприятий, и везде следует показаться. Не поверите, голова кругом. Вспомнил! Волкова – это третья жена Дениса Кирова. Ясное дело, я туда приперся.

– А с кем?

– В смысле? – не понял Болтов.

– Мне нужны координаты вашей спутницы.

– Кого? – вытаращил слегка подкрашенные глаза Иван.

Тупость владельца гламурного глянца стала раздражать. Я набрала в грудь побольше воздуха и принялась простыми, доходчивыми фразами растолковывать издателю суть вопроса.

– С ума сойти! – воскликнул Иван через четверть часа. – Розовая шиншилла... Говорите, некрашенная?

– Нет.

– Вязаная?

– Да.

– А кто автор шубы?

– Вот его не назову, не знаю.

– Ваша подруга не откажется дать манто для съемок в разделе «Вещь месяца»? – оживился Болтов.

– Сначала шубу надо найти, – напомнила я. – Так кто вас вчера сопровождал?

– Лика! – заорал Болтов.

Блондиночка вошла в кабинет.

– Чего?

– С кем я вчера ходил в «Квазимодо»? – спросил начальник.

– Это какое ж число было? – задумчиво протянула девица.

Болтов в легкой растерянности глянул на меня.

– Четырнадцатое, – ответила я, – воскресенье. Месяц май.

– Надо в компьютере глянуть, – проямлила Лика.

Не успела девица захлопнуть ярко покрашенный ротик, как в кабинет ворвался сильный запах пота, а за ним влетел растрепанный мужик.

– Слышь, Иван, – завозмущался он, – твоя девка дура! Пришел, а она вызвала охрану! Че происходит?

– Вы, очевидно, Владимир Иванович? – засуетился мгновенно забывший обо мне Болтов. – Садитесь. Лика, кофе для VIP-гостей!

– Так вон стоит, – указала блондинка на нетронутую мною чашку.

В глазах Ивана Николаевича загорелся нехороший огонек. Я поднялась с места, схватила Лику за руку, выволокла в приемную и велела:

– Назовите имя той, с кем начальник вчера ходил веселиться!

Секретарша подошла к столу и принялась неумело елозить мышкой по резиновому коврику.

– Вечно всем недоволен... – бубнила она, – уйду отсюда... Думала в модели пробиться, а теперь... нет, лучше шпалы таскать... Вешалки – самые разнесчастные люди. Все их пинают, денег не платят...

– Интересная информация, – поддержала я беседу, – но лично я слышала иное. Вроде гонорары моделей исчисляются десятками тысяч. Долларов. Говорят, «Вог», французское издание, платит за обложку около...

– Ваще прям! – подскочила Лика. – Это у них там, на Западе, порядок, а у нас бардак и все наоборот. Наши девки и ста баксам рады, кланяться будут и благодарить. Та же Рита Секридова, к примеру.

– Это кто такая?

Лика ткнула пальцем в монитор.

– Ритка вчера с Иваном Николаевичем была. Ясное дело, денег ей никто за это не даст!

Я села на стул.

– Лика, понимаете, совершенно не ориентируюсь в вашем мире и не очень пока улавливаю нить событий. Сделайте одолжение, выслушайте. Вчера у моей подруги пропала шуба...

После моего рассказа про исчезнувшую розовую шиниллу Лика разинула рот.

– Ох и ни фига себе! Но, думаю, Ритка ни при чем. Она не дура, чтобы такую дорогую шмотку спереть.

– Говорят, спутница Болтова была пьяна, как, впрочем, и Таня, которая отдала манто.

– Вот это совсем невозможно, – твердо ответила Лика.

– Почему? На тусовке спиртное лилось рекой, а на закуске сэкономили.

Лика выключила компьютер.

– Ритка туда не пить поехала. Попробую объяснить...

– Вся внимание, – кивнула я.

Сведения, вываленные Ликой, совершенно не удивили. Иван Николаевич Болтов абсолютно равнодушен к моделям. Да оно и понятно: если у тебя перед глазами ежедневно маячат полуголые красотки, волей-неволей пресытишься зрением. Так гурмана, потребляющего фуа-гра, деликатесные сыры, икру и всякие там плавники голубой акулы, начинает тянуть на гречневую кашу с постным маслом.

Болтова скрючивает при виде длинноногих, с размерами 90—60 – 90 девиц, и в последнее время у Ивана Николаевича случилась любовь со страшенькой девицей-скрипачкой,

блеклым существом в очках, упоенно рассуждающим о Моцарте. Обоже Болтова наотрез отказывается ходить по вечеринкам, музыкантше жаль терять время на тупую болтовню. Но владелец модных изданий просто обязан посещать приемы, это одна из составляющих его работы. Причем появляться в зале он должен не один, иначе сразу змеями поползут слухи о нетрадиционной ориентации издателя или, что намного хуже, о том, что его бизнес пошатнулся. Если успешный мужик не женат, то около него непременно обязана маячить моделька или начинающая актриска, на худой конец, юная певичка. Вот и приходится Ивану тащить с собой «чемодан».

Болтов поступает просто – утром велит Лике:

– К шести вечера приготовь бабу.

Секретарша хватается за телефон и мигом находит начальнику эскорт-сопровождение. Одна беда: тот требует, чтобы дамы постоянно менялись, он не желает, чтобы его имя связывали с одной моделью. Красавицы охотно соглашались составить пару издателю, появиться на тусовке с Болтовым почетно: на тебя налетят папарацци, потом обнаружишь свое фото с ехидными комментариями в прессе. А что в наше время главное? Правильно, выделиться из толпы. Иван в принципе милый человек, он только никак не может запомнить имя очередной девицы и ничтоже сумняшеся зовет всех одинаково – Киска.

– Следовательно, вчера с начальником была Рита Секри-

дова? – уточнила я.

– Ага, – кивнула Лика. – Мисс «Торговый центр «Блу».

– Кто? – удивилась я.

Лика снисходительно улыбнулась.

– В Москве есть магазин «Блу», здоровенный универмаг, там проходил конкурс красоты среди сотрудниц, на нем победила Рита, а потом она попала к нам.

– Давайте ее телефон, – приказала я. – Кстати, у вас тут есть поблизости кафе?

– За углом вполне приличное заведение, – закивала Лика.

Я вышла из здания издательства, нашла рекомендованную секретаршей кофейню и вынула мобильный. Домашний телефон Риты не отвечал, зато, набрав длинный, начинающийся с восьмерки номер, я мгновенно услышала веселый голосок:

– Алло.

– Рита?

– Да. Слушаю. Вы кто?

– Пожалуйста, верните шубу, – решила я сразу брать быка за рога.

– Какую? – с огромным изумлением осведомилась Секридова.

– Розовую, из шиншиллы.

– У меня такой нет, – окончательно опешила собеседница, – и никогда не имелось. Простите, что вам надо? И как вас зовут?

– Даша, – походя представилась я и продолжила гнуть свое: – Риточка, вам лучше отдать манто. Понимаю, что шубку хочется оставить себе, но это невозможно. Муж Татьяны, конечно, не жадный человек, но, согласитесь, расшвыриваться пальтишками стоимостью в особняк не захочет ни один, даже самый богатый, олигарх.

– Не понимаю, о чем идет речь.

– Риточка, очень глупо отпираться! Есть свидетели.

– Чего?

– Того, как вы брали шиншиллу.

– Ничего подобного! – взвизгнула Секридова.

– Боюсь, вы плохо оцениваете серьезность своего положения. Боровиков скоро прилетит и...

«Ту-ту-ту» – донеслось из трубки. Секридова решила прекратить беседу.

Тяжело вздохнув, я вновь набрала тот же номер.

– Алло, – откликнулась уже не так весело девушка.

– Риточка...

– Опять вы!

– Конечно. Отдайте манто.

– Отцепитесь!

– Верните шубу, я никому не расскажу, что вы ее увезли.

– Сумасшедшая! – заорала Секридова. – ..., ..., ..., ...!

– Прекратите ругаться!

– ...! ...! ...!

– Послушайте, – попыталась я остановить разбушевавшуюся

юся девицу, – вы ведете себя глупо!

«Ту-ту-ту».

Я залпом выпила кофе и упрямо набрала тот же номер.

– Алло! – проорала Рита. – Если это опять ты, кретинка долбаная, то лучше сразу иди на ...!

– Ладно, – почти мирно ответила я, – не хочешь по-хорошему, выйдет, как получится. Сама виновата. У Боровикова имеется служба безопасности, ее сотрудники, милые мальчишки, и не таких обламывали...

«Ту-ту-ту».

Я положила сотовый возле вазочки с салфетками. Однако эта Рита, похоже, не собирается расставаться с манто. И как теперь поступить? Да очень просто. Сейчас позвоню одной своей знакомой, Ларисе Репкиной, попрошу «пробить» домашний номер Секридовой и, узнав по нему адрес наглой девицы, поеду к ней на квартиру. Думаю, сразу увижу шиншиллу на вешалке.

Но выполнить задуманное я не успела, мобильный занервничал, затрясся и зажужжал.

– Слушаю вас, – сказала я.

– С этого номера мне только что звонила какая-то дура, – послышался вполне спокойный голос Риты. – Чего надо?

– Шубу из розовой шиншиллы, – ответила я. – Ту, что вы вчера украли на дне рождения у Марины Волковой.

– Не знаю никакой Волковой.

– Охотно верю, манто унесли у Татьяны Борейко.

– При чем здесь тогда Волкова?

– Дело случилось у нее на вечеринке, которую вы посетили вместе с Болтовым. И не надо отрицать. Карина Коралли готова подтвердить в суде, что шиншиллу сначала померила, а потом унесла спутница Ивана Николаевича.

– Я вчера никуда не ходила, – неожиданно отреагировала Рита.

– Ой, совсем смешно! Детский сад просто! – не выдержала я. – У Лики, секретарши Болтова, в компьютере четко указано: Ивана Николаевича сопровождает Маргарита Секридова. Откуда я взяла ваш телефон, думаете? Мне его Лика дала. Прекратите идиотничать, верните манто, и забудем о ситуации. Я никому о ней не расскажу. Татьяна тоже хочет сохранить происшествие в тайне.

Из трубки сначала донесся треск, потом Рита заявила:

– Нет, правда, я вчера никуда не ездила.

– Вы зря упорствуете!

– У меня сыпь на лице выступила, – вздохнула Секридова и пояснила: – Купила себе маску из плаценты, намазала и – представляете? – прыщами покрылась. Какая уж тут тусовка!

Я растерялась:

– Значит, сидели дома?

– Угу.

– А с Болтовым кто ходил?

Рита чихнула.

– Алиса Виноградова.

– Тоже модель?

– Нет, она диджей, на радио работает. Когда меня обсыпало, я попросила Алиску: «Выручи, сгоняй с Ванькой, познакомишься там с нужными людьми». Алиска, правда, сначала кочевряжилась, типа, не хочу, он меня не знает, я с ним никогда не виделась... Только я ей объяснила: Болтову плевать, с кем идти, лишь бы блондинка с сиськами. А тусовка пафосная, там полно нужников будет.

– Кого?

– Нужных людей, – хихикнула Рита. – Таких, которые красивой девушке помочь могут.

– И она пошла?

– Ясное дело, побежала.

– Вы уверены?

– Ага, она у меня туфли одолжила и сумку, – ответила

Рита.

– Давайте телефон.

– Чей?

– Алисин.

– Ладно, пишите.

Я внесла в свою телефонную записную книжку продиктованный номер, а потом моментально набрала его.

«Ту-ту-ту».

Алиса не собиралась поднимать трубку.

Глава 6

Я заказала еще кофе, выпила его и снова попыталась соединиться с Алисой. Шесть, семь, восемь... Минуточку! Номер внезапно показался знакомым. Я нажала на кнопку и обозлилась до невероятности. Ну, Рита, погоди! Думаешь, обманула? Сейчас узнаешь, где зимуют пингвины!

– Алло! – опять весело откликнулась Секридова.

– Это Даша.

– Которая?

– Та, что с шубой. Верни шиншиллу!

– Тебя заклинило? Говори с Алисой.

– Врунья!

– Кто? – обиженно воскликнула Секридова.

– Ты. Чей телефон мне дала?

– Алискин. Домашний.

– Ты мне продиктовала свой собственный домашний номер. Думала, я его не знаю? Ошиблась, дорогуша.

– Правильно. Мы вместе живем.

– В одной квартире?

– Ага.

– Алиса не подходит к телефону, – растерянно ответила я.

– Дрыхнет небось.

– Сейчас полтретьего, люди уже пообедали.

– И чего? – удивилась Рита.

Действительно, совершенно обычное дело – храпеть до полдника.

– Алиска утром приперлась, – продолжила Рита, – у нее сегодня эфир вечером, вот и давит подушку.

– А ты сейчас где?

– На работе.

– С прыщами?

– Они прошли.

– Хорошо, – протянула я. – Теперь скажи, ты шубу не видела?

– Опять двадцать пять! Сказано – нет.

– Я ведь не обвиняю тебя в краже.

– И на том спасибо.

– Просто подумала, может, на вешалке манто висит.

– Ничего нового там утром не было, – недовольно ответила Рита. – Езжай к Алиске, с нее и спрашивай. Она вообще такая...

– Какая?

– Ну... безголовая. И поддать способна.

– Ясно, давай адрес, – потребовала я.

Огромный серый дом вытянулся вдоль Солянки. Я никак не могла найти место для парковки, пришлось слегка нарушить правила – бросить машину за знаком «Остановка запрещена». Очень хорошо понимаю желание городских властей наказать тех, кто плюет на всякие ограничения, но тогда сделайте для людей подземные парковки, и никто не за-

хочет оставлять свои «лошадки» где попало. Ну как поступить автовладельцу, если везде торчат запрещающие круги? Мне сейчас следовало устроить машину у метро, на площади, а потом идти два километра пешком. Интересно, есть ли в столице люди, четко выполняющие все предписания гаишников?

Побоявшись воспользоваться лифтом, похожим на мыльницу, засунутую в клетку для попугая, я пошла вверх пешком по нескончаемым пролетам. Квартира восемь оказалась на последнем, четвертом этаже. Дыша, словно марафонец в конце дистанции, я нажала на звонок. Похоже, Зайка права, нам всем следует начать вести правильный образ жизни. Может, и впрямь бросить курить?

Алиса не торопилась в прихожую, я упорно давила на коричневую кнопку, слушая, как за створкой заливается электрический «соловей». Потом, потеряв терпение, стукнула кулаком по ободранной деревяшке. Внезапно дверь приоткрылась. Я вошла в темную, пахнущую дорогими духами прихожую и крикнула:

– Алиса, ку-ку! Не бойтесь, ваш адрес мне дала Рита.

В апартаментах стояла напряженная тишина. Я огляделась. Раньше, в советские времена, журналисты любили употреблять в статьях про разные западные города фразу: «Нью-Йорк (Париж, Лондон, Вена) – город контрастов, нищета тут мирно уживается с богатством». Так вот, про прихожую, в которой я сейчас стояла, хотелось сказать именно эти слова.

Темный, грязный пол из плохо подогнанного паркета, трапезный резиновый коврик у двери и пара дорогих кожаных сапог на тонких каблуках. Стены с засаленными обоями, роль вешалки исполняют простые железные крючки, а на одном из них – красивое черное велюровое пальто, за которое заплачено не меньше тридцати тысяч рублей. Колченогий комод, потерявший от дряхлости первоначальный цвет и половину фурнитуры, на растрескавшийся шпон столешницы которого небрежно брошены дорожные лайковые перчатки, а на банкетке с поеденной молью бархатной обивкой маячит модная сумочка. Очень хорошо знаю, сколько стоит аксессуар, недавно боролась около прилавка с собственной жабой, глядя на милый ридикульчик. Мое земноводное победило, я ушла домой, так и не купив неоправданно дорогую штучку, а вот Алиса порадовала себя.

Отчего я решила, что сумочка из телячьей кожи принадлежит радиоведущей? Да потому, что на ручке болтался брелок со стальной буквой «А».

– Алиса! – заорала я. – Проснитесь! Ау! Отзовитесь! Вы где?

Я прошла по коридору, толкнула первую попавшуюся по дороге дверь. Открылась захламленная комната: обшарпанная мебель, грязные тряпки вместо занавесок, простецкий телевизор, допотопное трюмо и... шикарное вечернее платье, свисающее со стула. На протертом ковре валялось три туфли. Две черные замшевые, и одна ярко-красная, с

мыском, украшенным бантиком. Кроватью для хозяйки норы служил диван, постельное белье смотрелось ужасно – похоже, его не стирали ни разу со дня покупки.

– Алиса, – позвала я, – Алиса, ау!

Спальня явно была пустой. Я пошла дальше, ноги привели в другую комнату, столь же грязную и неубранную, как первая, и вновь безлюдную. Испытывая некоторое разочарование, я изучила неожиданно чистую кухню. Очевидно, девицы не утруждали себя готовкой, да и вообще редко заглядывали сюда. Затем проверила ванную и даже туалет и констатировала: дома никого нет.

Я постояла пару минут в задумчивости, потом позвонила Рите.

– Это Даша.

– Ну, что опять?

– Приехала к Алисе.

– Отлично.

– Ее нет.

– Значит, ушла.

– Куда?

– Понятия не имею.

– Она не делилась с вами планами?

– С какого такого счастья?

– Вроде вместе живете.

– Вот уж не повод для отчетов.

– Можно мне поискать шубу?

– Где? – удивилась Рита.

– В шкафах, в коридоре. Навряд ли Алиса отправилась в розовой шинилле на улицу.

– Эта дура и не на такое способна, – хихикнула Рита. – Ладно, ищите, коли надо. Эй, погодите! Если Алиски нет, то как внутрь попадете?

– Извините, я уже вошла. Дверь была не заперта.

– Вот, блин, идиотка! – завозмущалась Секридова. – У нас замок не захлопывается, его обязательно надо ключом закрывать. Сколько раз я ей твердила: не забудь про ключ, да проверь, подергай за ручку...

– Значит, можно заглянуть в шкафы?

– Да! – гаркнула Рита. – Надеюсь, найдете свое пальто и отстанете от меня.

Получив разрешение на обыск, я распахнула дверки и едва успела отскочить в сторону – с верхней полки упала коробка, набитая фотографиями. Чертыхаясь, я стала собирать глянцевые отпечатки. Интересно, кто запечатлен на большинстве из них? Если Алиса, то она настоящая красавица: высокая, стройная блондинка с тонкими чертами лица. А вот и изображение девушки в бикини – придраться не к чему, похоже, талия у девицы сантиметров пятьдесят, и никакого целлюлита. Интересно, ей от природы досталась грудь третьего размера или хирург вмешался с имплантатами?

Я аккуратно укладывала фото, невольно цепляясь взглядом за некоторые. В основном на них была запечатлена од-

на и та же симпатичная длинноволосая блондинка в разных позах: то девица стояла, призывно изогнув стан, то сидела в кресле, выставив на обозрение стройные ножки. Внезапно в куче карточек мелькнула одна, явно сделанная в студии усталым фотографом. Думаю, подобные «кадры» есть во многих семейных альбомах. Лет двадцать тому назад личный фотоаппарат был очень дорогой игрушкой, позволить его себе могли не многие, люди ходили в студии, и там их «щелкали» самым традиционным образом. У нас дома есть снимок с точь-в-точь такой же композицией, как на том, что сейчас я держала в руках. На фотопортрете была запечатлена довольно полная дама с круглощеким лицом и ярко-синими большими красивыми глазами, а на коленях у нее сидит девочка, по виду первоклассница. Волосы малышки украшает огромный капроновый бант. Вторая школьница, чуть старше, стоит слева от женщины, а из-за спины выглядывает коротко стриженный мальчик.

Я перевернула снимок и улыбнулась, прочитав надпись на обороте: «Ксюша, Рита, Алеша и Феня, первое сентября». Значит, я угадала, после торжественной линейки в школе семья и отправилась в студию.

В руки попало другое фото, и я вздрогнула. На снимке надгробие, самое простое – прямоугольный камень с фарфоровым овалом и надписью: «Волков Алексей. Спи спокойно». Мне стало не по себе: очевидно, коротко стриженный мальчик рано ушел из жизни.

Устранив беспорядок, я поставила коробку на место, пошевелила вешалки, не нашла на них никакой шиншиллы и открыла второй гардероб. В нос ударил странный запах. Наверное, девушки пользовались разным парфюмом. Одна любила нежные, цветочные ароматы, другая предпочитала нечто удушающе-сладкое, на мой вкус – отвратительное, тошнотворное.

Я подняла глаза, осмотрела платье. Затем решила проверить, не спрятана ли шуба в глубине двустворчатого монстра, раздвинула в разные стороны плечики и заорала от неожиданности.

У стенки из плохо покрашенной фанеры скрючилось тело в черном, сильно декольтированном платье. Мне стало страшно до невозможности.

– Эй, – прошептала я, – вы живы?

Тишина.

– Алиса, вам плохо?

Нет ответа. Длинные белокурые волосы закрывали лицо девушки. Следовало отвести в сторону пряди, посмотреть в глаза девушки, пощупать пульс, но у меня не хватило мужества на столь простые действия.

Слабыми пальцами я схватилась за мобильный.

– Рита!

– Как ты мне надоела! Если нашла свою крашеную дрянь, то забирай и уходи! – рывкнула модель.

– Скажи, у Алисы есть татуировка на ноге, вокруг щико-

лотки?

– Да, – удивленно подтвердила Секридова.

– Сине-красная? Кошка с крыльями?

– Ага. Она собезьянничала, – мирно пустилась в объяснения Рита. – У меня такая наколка очень давно. Алиска увидела и захотела такую же, мне пришлось с ней в салон ехать. Когда ей татушку сделали, сообразила: ну не дура ли я? Теперь уже не оригинально выгляжу.

– Можешь приехать домой?

– Зачем?

– Очень надо.

– Слушай, я ведь на работе.

– Дело в том... Алиса сидит в шкафу, – запинаясь, стала я объяснять ситуацию, – молчит, не шевелится. Похоже, ей совсем плохо! И так странно пахнет...

– Буду через полчаса! – заорала Рита. – Только не уходи!

Я машинально положила трубку на комод. Потом задом, задом – лишь бы не оставаться в такой вязкой тишине квартиры! – попятилась к выходу, выбралась на лестницу и рухнула на ступеньку. Сердце сильно стучало, в висках торчало по гвоздю, к горлу подбиралась тошнота. Пытаясь не свалиться в обморок, я тупо смотрела на стрелки часов. Прошло пятнадцать минут, полчаса, сорок пять, час... Где Рита?

Стукнула дверь лифта, из крохотной кабинки вылетела очаровательная блондинка в голубом плаще, та самая, фото которой лежали в коробке.

– Это ты Даша? – подлетела она ко мне.

Я кивнула:

– Да.

– Где Алиска?

– Там, в шкафу.

– Пошли.

– Куда?

– В квартиру.

– Ой, не хочу...

– А придется! – рывкнула Рита. – Давай двигай!

На дрожащих ногах я поплелась за Секридовой и сразу за дверью навалилась в коридоре на стену.

– Она там? – уже шепотом спросила хозяйка. – Во втором шкафу?

– Да, – прошептала и я.

– Мертвая?

– Похоже, неживая.

Рита очень осторожно приблизилась к гардеробу, шумно вздохнула, перекрестилась, заглянула внутрь, потом повернулась ко мне:

– Где?

– Кто?

– Алиска!

– Там лежит. Неужели не видишь?

– Нет.

– Вешалки раздвинь.

Рита подняла руки.

– Никого.

– У стены, в черном платье.

– Тут пусто.

– Врешь! – вырвалось у меня.

Рита покрутила пальцем у виска.

– Ваще! Сама глянь.

– Боюсь, – честно призналась я.

Секридова ухватила меня за правую руку.

– Нет уж, гляди, идиотка фигова!

Я зажмурилась и моментально получила подзатыльник.

– Ну-ка, – резко сказала Рита, – растопырь зенки!

От боли и возмущения я невольно разомкнула веки и увидела... пустое нутро гардероба.

– Ой, мама! – вырвалось из груди.

– Ну и че? – уперла руки в бока Секридова. – Сегодня не первое апреля, дура! Хорошо придумала... Говори, чья идея? А, знаю! Катьки Малкиной работа!

– Труп был здесь, – прошептала я. – Понюхай, запах остался!

Рита подергала носом, пробормотала что-то, я разобрала только слово «война».

– Что? – окончательно потеряла я способность правильно оценивать действительность. – Ты о чем?

– Духи так называются, – пояснила Секридова, – «Война», лимитированный выпуск. Мы их представляли, и дилеры по-

дарили по флакончику. Пожались, сволочи, пробничками отделались. Правда, мне запах не понравился, тошнотный. Но ведь на халяву получила. Принесла домой и Алиске отдала, а та рада стараться, облилась с головы до ног. Такой едкий аромат оказался! Она вчера постаралась, когда на тусню собиралась, тем парфюмом и несет.

– Вот видишь, – обрадовалась я, – была тут Алиса! Иначе откуда запах?

Рита сдернула с вешалки боа из лисы, сунула мне под нос.

– Во, нюхай, отсюда валит! Алиска вчера эту крашеную кошку на плечи бросила. Дерьмовая вещь, но ей нравится.

Я машинально пощупала шкурку, потом поднесла пальцы к носу.

– Ну и мерзость!

– Согласна, – усмехнулась Рита. – А теперь ответь, сколько тебе отвалила Малкина, чтобы меня со съемки сорвать? Ее рук дело! Катюнька мигом просекла, какой резонанс от календарика будет, и пустилась во все тяжкие.

– Был труп, – тупо твердила я, – вот тут, у стенки.

– Хватит! Могла бы придумать более правдоподобную историю! – сверкнула глазами Рита. – Понимаю, тебе заработать подфартило. Я на тебя не злюсь, сама такая, готова ради денег на многое, но Катюньку урыть охота. Рассказывай!

– У тебя есть кофе? – робко попросила я, пытаюсь справиться с головокружением.

– Пошли на кухню, – скомандовала Рита. Потом она быст-

ро подошла к входной двери, вытащила из кармана ключ, заперла замок и, прищурившись, сказала: – Не уйдешь, пока всю правду не выложишь. Я Малкину с твоей помощью закопаю.

Глава 7

Получив чашку неожиданно замечательно крепкой и вкусной арабики, я стала излагать Рите историю про шубу из розовой шиншиллы. Девушка оказалась на удивление внимательной слушательницей, она не перебивала меня, а вопросы стала задавать лишь после того, как я замолчала.

– Значит, ты Васильева, – протянула она. – Наслышана о вашей семье.

– Васильевых много, – пожала я плечами, – одних актрис с такой фамилией несколько. Еще имеются певец, художник, пара писателей, танцовщик, историк моды...

Рита ухмыльнулась:

– У тебя есть брат?

– Нет, – удивленно ответила я.

Секридова почесала нос.

– Я не могла ошибиться. И потом, фотку видела: дом ваш, терраса большая, ты в кресле сидишь, а на коленях жуть мерзкая, пучеглазая уродка с черной мордой.

– Это Хучик, – возмутилась я, – очаровательный мопс, одна из лучших собак на свете! Сама ты жуть мерзкая!

– Следовательно, у тебя есть брат Аркадий, – продолжила Рита. – Софка, она дотошная, все выяснила.

– Аркадий мой сын.

– Вау! Ты не похожа на старуху!

– А я и не пенсионерка!

– Что-то не монтируется. Аркадию-то уже не двадцать.

Я тяжело вздохнула. Ну не рассказывать же Маргарите все наши семейные перипетии? ⁵

– При чем тут Кеша? – спросила я удивленно.

Секридова вытащила сигареты.

– У нас в агентстве работала Софка. Дура страшная, но хитрая. Сумела удачно выйти замуж, богатого подловила. Только недолго счастье ей улыбалось, Софка любовника завела и попалась. Ясный перец, муженек ее вон выгнал, а Софка хоть и кретинка, да сообразила: надо кусок от пирога отгрызть, вытрясти из мужа алименты и отсудить квартиру. Вот и наняла адвоката. Уж кто ее на твоего Аркадия вывел, не знаю. Только Софка юриста увидела, сразу скумекала: вот он, новый вариант, да еще какой. Молодой, красивый, высокий, ездит на шикарной иномарке, костюм дорогущий. Самое оно, пора брать.

Я покачала головой. Ну и ну!.. Костюм, иномарка... А как же любовь? Нет, я безнадежно старомодна, потому что «прикид» кавалера заинтересует меня в самую последнюю очередь.

– Софка девка методичная, – спокойно продолжала Рита, – она живенько все про Аркадия выяснила: богат, живет в загородном особняке, большая практика. Она к нему в го-

⁵ История семьи Даши Васильевой рассказана в книгах Д. Донцовой «Крутые наследнички» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».

сти напросилась, все посмотрела, дом сфоткала. Потом нам показывала и хвасталась: вот где жить стану. Неужели ты ее не помнишь? Софку забыть трудно – очень шумная и ржет, словно лошадь.

Я пожалала плечами.

– Аркадий часто привозит клиентов, чтобы побеседовать с ними в спокойной обстановке. А твоя Софка разве не слышала про наличие у Кеши жены и двоих детей?

Секридова махнула рукой.

– Кому это мешает!

– Ну и что? – с неподдельным интересом спросила я. – Получился... вариант?

Рита подперла рукой щеку.

– Не-а. Как Софка ни старалась, облом у нее, а не вариант получился. Аркадий «голубой». Ему до баб дела нет.

– Просто он любит Зайку.

– Фетишист? – вскинулась Рита. – С плюшевыми игрушками балуется?

– Аркадий нормальный человек, только он не желает изменять жене.

– Значит, импотент, – констатировала Секридова.

– По-твоему, парень, спокойно живущий с собственной супругой, либо гей, либо обременен другими сексуальными проблемами?

– Стопудово, – закивала Рита. – Софка на себя кофе пролила, кофту сняла, чтобы переодеться, и перед ним в самом

роскошном белье крутилась, а он ничего не замечал.

– Ладно, так при чем в нашей ситуации Аркадий?

– Просто так, – протянула Секридова. – Ты богатая, верно?

– Скажем, обеспеченная.

– И не станешь у Катьки Малкиной деньги брать?

– За что?

– У нас съемки на календарь, на них всего три дня дали, с утра до ночи стоим. Малкина очень хотела на страничку попасть, а ее не взяли, но сказали, что если кто заболит, то она будет на замену. Вот я и решила, что Катюха тебя наняла. Усекла? Ну, ты меня с площадки сдергиваешь, а ее под объектив ставят.

– Извини, не хотела испортить тебе карьеру, – испугалась я.

– Ладно, – махнула рукой Рита, – обойдется.

– Алиса правда лежала в шкафу!

– Тебе показалось.

– Нет! Видела ее отлично, платье черное, на щиколотке татуировка.

– Какая?

– Кошка с крыльями.

Секридова вытянула безупречно стройную ножку.

– Такая?

– Очень похоже, – согласилась я.

– Вот ведь я дурака сваяла, – снова о своем завела Рита, –

отвела Алиску в салон, она такую же наколола. Теперь у нас с ней вид, как у детдомовских.

– Значит, ты понимаешь, что не вру сейчас, – обрадовалась я. – Откуда бы мне про наколку знать? Я никогда с Алисой не встречалась!

– Виноградова безголовая, – снисходительно пояснила собеседница, – если наклюкается – способна в шкафу спать лечь. Небось после той тусовки в гардероб влезла и храпака задала.

– Бред.

– Ты Алиску не знаешь, – засмеялась Рита. – Где ее свалило, там и ляжет. Наверное, хотела раздеться, открыла шкаф и того, брык...

– Куда же она потом делась?

– Встала, умылась и на работу побежала. У Алиски эфир в четыре начинается, она ответственная.

– Ты только что назвала подругу дурой.

– Ага, идиотка и есть. Но службу не пропускает, у них на радио строго, живо могут вытурить.

– У вас в квартире есть черный ход?

– Не-а.

– И как же Алиска ушла?

– Ты чего, ненормальная? Через дверь.

– Я сидела на ступеньках прямо перед ней. Никто не выходил.

– Просто не заметила. Или заснула.

– Нет, Алиса не покидала квартиру, – уверенно заявила я. Рита улыбнулась.

– Давай сделаем так. Алиска вернется домой с работы, я тебе звякну, приедешь и поболтаешь с ней. Виноградова могла шубу спереть. У нее вечно денег нет, и она не побрезгует чужое прихватить.

– Договорились, – кивнула я, потом встала, пошла к двери и, уже выходя на лестницу, не выдержала: – И все-таки Алиса была в шкафу. Мертвая!

– Опять сто сорок восемь! – всплеснула руками Рита. – Ты же видела гардероб. Он пустой. Крови нет.

– Человека можно по-разному убить. Например, отравить, – резонно возразила я, – тогда крови и не останется.

– Вот ексель-моксель! – фыркнула Рита. – Езжай домой, позвоню, как Алиска появится. Кстати, скажи наркотикам «нет», иначе скоро будешь видеть зеленых мышей верхом на розовых слонах.

В каком-то странном, полуразобранном от недоумения состоянии я вышла на улицу и вытащила сигареты. Конечно, Рита может думать про меня все, что угодно, только я не употребляю кокаин, не нюхаю клей, не делаю себе уколы героина и не пью водку в неограниченном количестве. Я видела труп Алисы! Девушка не выходила из квартиры! Но куда подевалось тело?

С тихим шуршанием около меня остановилось маршрутное такси. Из микроавтобуса, кряхтя, вылез мужчина лет пя-

тидесяти в немодном плаще и черной шляпе. Тяжело дыша, он вытащил из «Газели» торшер, очевидно, только что купленный в магазине, поставил его на тротуар, повернулся к своему приобретению спиной, снял головной убор и принялся вытирать лысую макушку идеально отглаженным носовым платком.

Я тупо наблюдала за дядькой, в голове у меня не осталось ни одной мысли.

Внезапно из подворотни вынырнула большая рыжая собака. Она потрусилась к торшеру, понюхала деревянную штангу, на вершине которой торчал абажур, потом подняла лапу, щедро пометила осветительный прибор, а затем испарилась за углом.

Мужчина спрятал платок, дернул носом, раз, другой, третий. Потом повернулся к торшеру, вытащил из кармана очки, водрузил их на лицо, склонился к асфальту, выпрямился и гневно воскликнул:

– Какая гадость! Кто написал?

Я, стоя на том же месте, вытащила вторую сигарету. Дядька поднял взор на меня.

– Это вы!

Я выронила пачку.

– Что?

– Вы использовали лампу в качестве туалета!

Абсурдность обвинения заставила меня рассмеяться.

– Еще и веселится! – покраснел владелец торшера. – Сей-

час милицию позову!

– Мужчина, да вы подумайте, где стою я и где ваша лампа!

И потом, вы же все время смотрели на меня!

– Тут больше никого нет, – занудил незнакомец, – только вышел из такси, отвернулся, а вы взяли и написали...

– Это собака.

– Какая?

– Дворовая.

– И где она?

– Убежала.

– Тьфу, прямо! – стал уже багроветь дядька. – Не было пса!

– Вы его не видели, он тихонько подошел, и раз...

– Нет, вы испортили мой новый торшер, извольте оплатить!

Я повертела пальцем у виска, потом щелкнула брелоком, открыла машину, села за руль и завела мотор.

– Люди, люди! – завопил дядька. – Милиция, сюда, скорей, она удирает!

Я вырулила на шоссе. Надо же быть таким идиотом! Не заметил, что творилось рядом с ним, и теперь абсолютно уверен, что приличная дама испортила ему лампу! Хотя... Может, и я такая же невнимательная? Вдруг и вправду задремала на ступеньках, заснула минут на десять, и именно в это время Алиса выскользнула из квартиры? Нет, я не смыкала глаз, никто не покидал апартаментов. Ага, а мужчина уверен,

что никакой собаки не было...

Тяжело вздохнув, я перестроилась во второй ряд и полетела в Ложкино.

– Ой, Дарь Иванна! – лишь только стоило мне войти в дом, налетела на меня Ирка. – Тут у нас такое!

– Какое? – мрачно поинтересовалась я. – Что случилось в миллом, сладком доме? Сорвало фитинги и подвал залило водой? Опять разбилось стекло в мансарде или Черри пописала на диван? Говори живей, меня сегодня ничем не удивить.

– Тёма этот... – понизив голос, зашептала Ирка, – ну, лысый пузан, который притащился спозаранок... похоже, он действительно сын полковника.

Я села на табуретку.

– Это невозможно.

– Почему? – хихикнула Ирка. – Александр Михайлович вспомнил.

– Что?

– Кого! Маму Тёмы. Они с пузаном полдня разговаривали и все выяснили! Хотите чаю?

– Нет, спасибо, лучше расскажи поподробнее о сыне Дегтярева.

Ира сложила руки на груди.

– Не подумайте, будто подслушивала.

– И в мыслях не держала такого.

– Просто шла мимо спальни полковника, уронила коробку со стиральным порошком и, пока его собирала, совершенно

случайно стала свидетельницей их болтовни.

– Давай начинай! – велела я. – С подробностями!

Вообще-то следовало поинтересоваться у домработницы, зачем она бродила возле комнаты Александра Михайловича с моющим средством, ведь стиральная машина находится в противоположном конце дома. Но я не стала задавать лишние вопросы, а превратилась в слух.

Итак, Тёма без утайки изложил полковнику свою биографию. Он воспитывался в детском доме, но не потому, что происходил из семьи алкоголиков или бомжей. Светлана, мама мальчика, скончалась, когда тому еще не исполнилось и трех лет, других родственников у малыша не имелось, вот его и отдали на попечение государства.

В шестнадцать лет Тёма получил паспорт, пошел работать на один из местных заводов, поступил в институт на вечернее отделение и перебрался жить в квартиру, где был прописан. Жилье, вполне приличная «трешка», осталось от мамы. По законам тех лет сироту не имели права выписывать с жилплощади, к тому же она была кооперативной, купленной мамой, а Тёма являлся единственным ее законным наследником. Спустя года два после начала самостоятельной жизни Тимофей Ведро решил затеять ремонт, начал вынимать с полок книги и нашел дневник мамы.

Женщина вела его всю жизнь. Странички, исписанные мелким, убористым почерком, содержали множество интересных для парня сведений: он узнал о своей бабушке – учи-

тельнице, дедушке – начальнике цеха, а потом выяснил и личность отца. Мама скрупулезно описала свою встречу с москвичом, сотрудником уголовного розыска Александром Дегтяревым, который прибыл в ее городок в командировку.

Встретились молодые люди очень буднично, в магазине, и два месяца не расставались, потом Дегтярев отбыл в столицу. Никаких обещаний Светочке Александр не давал, он считал летнее приключение ничего не значащим фактом и, скорее всего, забыл о девушке. Но через девять месяцев после отъезда Дегтярева в столицу на свет явился Тёма. Света отправила любовнику письмо, в котором сообщила о рождении малыша, однако ответа не дождалась. Другая бы девушка поехала в столицу искать легкомысленного папашу, но Светочка была гордой, она решила самостоятельно поднимать мальчика. К тому же кататься в Москву с грудным младенцем тяжело, оставить же Тёму было не с кем.

Неизвестно, как бы дальше развивались события. Вполне вероятно, что лет, скажем, через десять мама могла бы взять с собой школьника-сына и все же отправиться на поиски отца ребенка. Но Светлана умерла.

А еще в ее дневнике намеками говорилось о некоем Владимире, женатом человеке, который собирался развестись с супругой и пойти в ЗАГС со Светой. Владимир давно подбивал клинья под Светлану. Тёма понял, что пара прожила вместе два года, потом влюбленные поругались и разбежались. Ссора случилась в апреле, а в мае в город прибыл Дег-

тырев. После отъезда милиционера в столицу Света и Владимир помирились, затем, когда на свет уже появился Тёма, разругались, но опять сошлись, через месяц вновь разбежались и вскоре снова стали жить вместе. Наверное, Светлана надеялась выйти замуж за Владимира, поэтому и не спешила в Москву. Но сходить в ЗАГС ей так и не удалось, а возлюбленный после смерти Светланы не захотел заботиться о ее сыне.

Узнав правду о своем происхождении, Тёма никаких действий предпринимать не стал. Он мирно учился, работал и, если честно, совершенно не задумывался об отце.

Своей семьи у Тимофея не имелось. Бывшие детдомовцы, как правило, неудачливы в личной жизни, и Тёма не стал исключением. У него не получалось строить отношения с женщинами, парень не понимал, как следует себя вести, чтобы простая связь переросла в прочный брак. Но холостячество не напрягало, Тёма был трудоголик, ему вполне хватало для счастья работы.

Полгода тому назад Тёма заболел гриппом и выпал из привычного ритма жизни. Целую неделю молодой человек валялся в кровати, тупо переключая каналы телевизора. В конце концов он наткнулся на передачу о доме престарелых.

– У всех этих несчастных людей есть дети, – вещал корреспондент, – но посмотрите, в каких условиях бедняги заканчивают свой жизненный путь.

Тёма увидел на экране убогие комнаты, обшарпанную ме-

бель, плохо одетых, полуголодных стариков.

– Родственники не желают возиться с теми, кому требуется забота, – возмутился журналист, – а ведь Библия велит чтить своих родителей.

Тёма сел на кровати, он внезапно подумал об отце. Интересно, он жив? Если да, то чем занимается? Может, нуждается в помощи? Вдруг неизвестный ему Дегтярев погибает с голоду? Вполне вероятно, что Александр Михайлович и не подозревает о наличии у него взрослого сына, письмо, в котором Света сообщала о рождении ребенка, могло попросту не дойти до адресата. Нет, необходимо найти мужчину и поговорить с ним.

Осуществить задуманное оказалось до смешного просто. У Тёмы много приятелей, и один из них, наведя нужные справки, выяснил, что бывший лейтенант Александр Михайлович Дегтярев, ныне полковник, проживает в Подмосковье, в деревне Ложкино, что он одинок, ни жены, ни детей не имеет.

Узнав про сельскую местность, Тёма вздрогнул: похоже, сбываются самые его мрачные предположения. Воображение мигом нарисовало покосившуюся избенку безо всяких удобств, дощатую будку во дворе, расставленные около забора железные бочки с желтой водой и старика, который трясущимися руками снимает с картофельной ботвы колорадских жуков. Придя в ужас, Тёма немедленно вылетел в Москву. Он решил взять отца к себе, пусть хоть перед смертью бед-

няга поест досыта.

Глава 8

– Ну и как вам песня? – спросила Ирка.

– Очень печальная, – кивнула я. – Тёма, очевидно, добрый человек, не всякий захочет помочь родителю, который не принимал участия в его воспитании.

– Может, и так, – протянула Ирка, поворачиваясь к чайнику.

– У тебя иное мнение?

Домработница бросила в чашку пакетик с заваркой.

– Знаете, Дарь Иванна... Впрочем, не мое дело.

– Нет уж, говори.

Ирка глянула на меня.

– Вы этого Тёму рассмотрели?

– Не очень, – призналась я, – но он здорово похож на Дегтярева – лысый, толстый.

– Тут недавно по телику шоу двойников показывали, – сообщила Ирка, – ну прямо офигеть, до чего они на звезд смахивают. Представьте, Киркорова женщина изображает, ростом с телевышку. Во чего бывает!

– Ты куда клонишь? Высказывайся прямо! – велела я.

– Уж простите, Дарь Иванна, – занудила Ирка, – но вы человек увлекающийся, наивный, Машенька вся в маму пошла. Хотя вы ее не рожали, а одинаковые вышли. Зайка, та ваще безголовая, а Дегтярев только орет: «Я самый умный,

остальные дураки», но на самом деле его годовалый ребенок вокруг пальца обведет. Один Аркадий Константинович рассудительный, но его ж никогда дома нет. Мой долг вас предостеречь.

– От чего?

Ирка схватила сахарницу.

– Полковник этого Тёму обнял и чуть не зарыдал, а сам бормочет: «Сынок любимый, ничего о тебе не знал, никакого письма не получал!» Разве так можно?

– Как?

– Верить человеку на слово! – вспыхнула Ирка. – У него чего в паспорте стоит? Ведро Тимофей Николаевич. При чем тут Дегтярев?

Я заморгала. Ирка подняла указательный палец.

– Во! Это раз. Теперь два. Ему про Ложкино приятель выяснил. Что ж он не сообщил правду: не деревня, а коттеджный поселок с домами за дикие сотни тысяч баксов!

– Вполне вероятно, что официально Ложкино числится селом, – пояснила я, – наш же поселок получил название от ближайшей деревни. У нас почтовый адрес «Ложкино-1», однако про цифру все забывают.

– Ладно, – кивнула Ирка. – Только я сумку этого Тёмы разбирала. Жуть!

– В каком смысле?

– Вещи – дерьмо, – заявила домработница, – я в шмотках разбираюсь.

– Грязное и рваное?

– Нет, – ухмыльнулась Ира, – новое совсем, чистое и целое. Но все российское: рубашки, белье, свитер. А ботинки... Говнодавы настоящие, простите, конечно!

– Не у всех есть деньги на фирменные вещи, – возмутилась я. – Ира, откуда такой снобизм? Между прочим, я очень люблю белье, которое шьют в Минске, стараюсь покупать только его: хлопковое, натуральное, изумительное. А куртки? Вон Зайка купила дорогуший пуховик, и тут же «молния» сломалась, а у Дегтярева российский третий год, как новый.

– Китайский, – поправила Ирка.

– Ну и что? Зато он стоил две копейки и цел до сих пор, – не сдавалась я. – Да бог с ними, с вещами. Давай вспомним о продуктах! Покупали мы итальянские макароны, и вечно они нам какими-то недоваренными казались. Перешли на родную «Макфу» и кушаем аппетитнейшие «гнезда» с грибочками в свое удовольствие! И, ко всему прочему, от них не толстееешь, и варятся они очень быстро!

– Тут вы правы, – согласилась Ирка. – Только у нас деньги есть, мы покупаем российское не от бедности, просто эти товары больше нравятся. А Тёма нищий! Видела я, какими он глазами на портьеры глядел, даже пощупал их. Нехороший человек.

– Ты сделала подобный вывод после того, как гость потрогал драпировки?

– А вы не зубоскальте, – надулась Ирка. – Он еще от Хуча шарахнулся, ноги поджал и спросил: «Он кусается?»

Я села на табуретку и почувствовала легкий дискомфорт. Меня всегда настораживают люди, которые не любят животных. Предположить, что Хучик способен кого-то укусить, может либо дурак, либо очень злой человек. У мопса и зубов-то практически нет, выросли через один.

– Знаете, как дело обстоит? – наседала Ира.

– Ну?

– Тёма ваш распрекрасный за своими Уральскими горами чуть с голоду не помер, – застрекотала домработница, – вот и решил в богатый дом пристроиться. Приехал сюда и набрехал с пять коробов. Мамин дневник... Ха! Он вам его показал?

– Нет.

– Вот! Теперь тут поселится, оденется, обуется, отъестся и ваше навсегда останется. Дегтярев его уже за сыночка считает, Манюня жалеет, даже Ольга прослезилась, глядя, как эта кастрюля полковника обнимает.

– Ведро, – машинально поправила я.

– Один шут разница, – скривилась Ирка. – Гоните его вон, прохиндея, вот мое мнение.

– И как ты предлагаешь провести операцию?

– Прямо так и скажите: «Вали домой».

– Не могу.

– Почему? – уперла руки в бока домработница.

- Не принято подобным образом обращаться с гостями.
- Тьфу! Если станете всех привечать, в нищете помрете.
- А где сейчас Тёма?
- Его Дегтярев в Москву увез.
- Нельзя же выгнать сына полковника.
- Он ему никто.
- Откуда такая уверенность?
- Задницей чую, – заявила Ирка.

Я постаралась скрыть усмешку. Надо же... Судя по некоторым расхожим выражениям, вышеупомянутый орган является главным для русского человека: он им чувствует беду и одновременно ищет на него приключений.

– Надо прибуду на анализ отправить. Генетический. Есть такой, я знаю, – посоветовала Ира. – Вот у нас на двадцать пятом участке Мироновы живут... Слышали?

Я кивнула.

– Хозяин горничную выгнал, – ажиотированно продолжила Ирка, – беременную. А та, не будь дурой, в лабораторию сносила и его жене под нос бумажку сунула, где черным по белому написано, кто отец ее будущего ребенка.

– И кто?

– Ой, Дарь Иванна, несообразительная вы! Ясное дело, сам хозяин. Надо у этого Тёмы кровь взять. Вот и станет ясно, чей он сын! – торжественно закончила Ирка.

– Неудобно как-то, – промямлила я, – подойти и заявить: «Предполагаю, вы обманщик, поехали на экспертизу». А ес-

ли он и впрямь родня Александру Михайловичу? Обидим и Тёму, и полковника.

– Тогда надо хитростью анализ взять. Обманом.

– Как?

– Подумаю и соображу, – пообещала домработница.

– Хорошо, – согласилась я, – тоже поломаю голову над проблемой. Но очень тебя прошу, давай соблюдать презумпцию невиновности.

– Чего?

– Пока мы не доказали, что Тёма обманщик, он честный человек и живет в Ложкине на правах сына полковника, – объяснила я. – Понятно?

– Ничего, – мстительно процедила Ирка, – пусть временно сыром в масле катается! Скоро закончится лафа, я его сама веником вымету!

– Только после лабораторного заключения, – предостерегла я и услышала звонок своего мобильного.

– Даша? – спросил чей-то знакомый голос.

– Да, а кто говорит?

– Рита Секридова.

– Алиса пришла? – обрадовалась я. – Сделай одолжение, не выпускай ее, уже еду!

– Хорошо, – сухо выронила Рита, – жду.

Я бросилась к машине. Завела мотор и, не обращая внимания на сильный дождь, понеслась на Солянку.

Дверь в квартиру Риты опять оказалась открытой.

– Добрый день! – закричала я, влетая в прихожую. – Алиса, вы где?

– Ее нет, – мрачно сообщила Рита, высовываясь из кухни. – Иди сюда! Чего тарарам подняла?

– Ушла! – расстроилась я. – Ты же обещала ее остановить!

– Она не приходила.

– Послушай, я живу за городом, кататься туда-сюда по пробкам не особое удовольствие. Когда ты позвонила, я поняла, что Алиса явилась домой.

Секридова шлепнулась на колченогий стул, маячивший около буфета.

– Нет, она не объявлялась. Но... Смотри, у Алиски сегодня эфир.

– Так.

– Он прямой, не предварительная запись. Ей люди в студию звонят, заказывают песни, с днем рождения друг друга поздравляют. Ясно?

– В принципе, да, – кивнула я. – Ничего особенного, подобные шоу почти на каждой радиостанции есть.

– Но вечером Алиски на эфире не было, – протянула Рита.

– А кто там был?

– Диджей по фамилии Столяров. Я включила приемник и услышала его голос. Странно.

– Почему? Может, у Алиски случилось неотложное дело, и она попросила ее подменить.

– Нет, – помотала головой Рита, – у них подобное не при-

нято. Генеральный продюсер терпеть не может манипуляции с расписанием. В этом году Алискина смена падала на первое января, в девять утра ей заступать следовало. Приятно, да?

– Невероятно, – кивнула я.

– Если тебе рассказать, из какого Алиска дерьма выплыла, не поверишь, – монотонно вещала Рита. – Ну да не о том речь. Алиска хотела в компании праздник отметить и нашла того, кто согласился у микрофона первого числа париться, – Столярова. У парня как раз облом с бабой случился, ему идти было некуда, вот и сказал Алиске: «Хрен с тобой, я первого оттарабаню». Обрадованная, она побежала просить поменять ей смены. Но начальство встало на дыбы: «Слушатели ждут именно Виноградову, – заявил ей генеральный, – у нас не лавочка со спичками, вот там все равно, какая морда за прилавком. Не нравится сидеть у микрофона, никто не заставляет, получи в бухгалтерии расчет, и разойдемся друзьями». И Алиса, испуганная угрозой босса, в компанию свою не поехала, примчалась первого января в девять утра, трезвая, и вышла в эфир.

Я молча слушала Риту.

– А сегодня вместо нее Столяров вещал, – втолковывала мне Секридова. – Причем вчера утром Алиска, услышав про мое предложение сопровождать Болтова, воскликнула: «Отлично, и выпить мне в свое удовольствие удастся! На работу лишь вечером, можно не ограничиваться бокалом шампанского». Понимаешь, она не думала пропускать эфир. Алиска

страшно дорожит своей работой и боится ее потерять.

– Вдруг она попала в больницу? – предположила я. – Позвони ей на мобильный.

– Уже пыталась, он отключен. Хотя вот тут ничего особенного, у Алиски постоянно заканчиваются деньги. Настораживает другое.

– Что? – подскочила я.

Рита вытащила из прически прядь волос и принялась накручивать ее на палец.

– Алиска, как я уже говорила, из грязи выползала. Она мне рассказывала: отец алкоголик, мать ему под стать, вечно бухая. У таких людей детки в младенчестве помирают...

Но Виноградовой повезло. Ее господь наделил упорством и трудолюбием, девочка сумела окончить школу, поступила в институт, пристроилась на радио и начала вылезать из нищеты. Денег у Алисы было мало, соблазнов в столице много, да еще в Москве принято человека встречать по одежке, поэтому радиоведущая тратила весь оклад на оплату квартиры и на обновки, еда в бюджете не предусматривалась. Чтобы не помереть с голоду, Алиса бегала по тусовкам, убивая двух зайцев: знакомилась со всякими людьми и наедалась на фуршете. В сумочке у Виноградовой всегда имелся небольшой пакетик, куда она незаметно клала халявные пирожки и бутерброды, обеспечивая себе завтрак, а то и обед.

Алиса целеустремленная девушка, она мечтала шагнуть выше по карьерной лестнице, ей было охота пробиться на

телевидение, стать звездой, обрести большой оклад, купить собственные хоромы, машину... В общем, планов громадье. В отличие от очень многих девиц Алиса не желала выскакивать замуж, она надеялась лишь на себя и кокетничала с мужчинами на вечеринках с единственной целью: рассчитывая встретить всемогущего продюсера, который произнесет заветную фразу: «Давно ищу ведущую шоу, похожую на вас».

Выпить от души Алиса позволяла себе лишь тогда, когда участники тусовки расходились по домам. И то не всегда. Иногда новые знакомые предлагали продолжить вечер в другом ресторане, и Виноградова ехала с ними. В этом случае нужна трезвая голова, налаживание связей в Москве – процесс длительный и довольно трудный, а Алисе страшно хотелось стать звездой, она на все готова ради карьеры.

Если на тусовке случался облом, то есть никаких интересных встреч не происходило, вот тогда Алиска, выждав нужный момент и увидав, что в зале осталось пять-шесть крепко поддавших личностей, подходила к столику, где наливали спиртное, и быстро опрокидывала в себя пару-тройку бокалов. Не следует считать Виноградову алкоголичкой, ей просто требовалось расслабиться.

Но тут надо упомянуть об одной физиологической особенности Алисы. Девушка способна выпить довольно много вина и не опьянеть. Вернее, алкоголь «догоняет» Виноградову не сразу. Около часа она ходит трезвая, но в какой-то момент весь принятый алкоголь бьет ей в голову, причем с

такой силой, что Алиска падает замертво...

Рита остановилась и посмотрела на меня.

– Понятно объясняю?

– Да, – кивнула я, – у меня есть один знакомый, Вадик Рогачев, у него та же особенность: вливает в себя водку стаканами и вроде как ни в одном глазу. А потом – бах, лежит на полу. Его словно выключают.

Рита слабо улыбнулась.

– Вот-вот. Алиса очень хорошо знала о том, какую шутку с ней играет выпивка, поэтому наливалась перед уходом и почти всегда успевала доехать до дома.

– Почти всегда?

Секридова включила чайник.

– Ну, пару раз она засыпала, не добежав до квартиры. Я ее находила во дворе, на лавочке. Но это исключение, обычно Алиска добиралась до спальни. Вернее нет, она вваливалась в квартиру, а там уж где упадет. Понимаешь, ее натурально вырубало, могла улечься в ванной на полу, в прихожей возле комода или в коридоре развалиться. Я с ней пыталась ругаться, говорила: «Если уж доперлась до дома, так дойди до койки». А Алиска растерянно хихикала и отвечала: «Извини, Ритусь, я собой в такой момент не управляю. Темнеет в голове, и все! Мне, главное, в квартиру притопать».

Чайник начал выпускать из носика пар, Секридова взяла с подоконника кружку, бросила в нее пакетик с заваркой и хмуро поинтересовалась:

– Понимаешь теперь, отчего я не слишком удивилась, когда ты про шкаф сказала? Нет, сначала, когда про смерть Алиски услышала, испугалась. Но потом сообразила: она домой заявила, решила раздеться и в гардероб упала. Если честно, я правда подумала, что тебя Катька подговорила меня разыграть...

– Уже слышала историю про календарь, – перебила я модельку. – Зачем ты сейчас меня позвала, если Алиса не пришла?

Рита нервно огляделась по сторонам.

– Знаешь, похоже, ее украли. Унесли или увезли.

– Кто? Куда? Зачем? – принялась я задавать бестолковые вопросы. – И где шуба?

Секридова отхлебнула чай, дернулась.

– Вот, блин, горячий... В общем, когда ты уехала, я Катюхе позвонила и скандал устроила, пообещала ей морду расцарапать за ее шуточки. А Катька чуть не зарыдала: «Никого не посылала, на твое место не лезу». Уж так она оправдывалась, так отнекивалась... Потом Алиски в эфире не оказалось. Но главное... Смотри!

Глава 9

Рита встала и поманила меня рукой. Мы вышли в коридор.

– Вот, – ткнула Секридова пальцем в сапоги, валявшиеся у входа, – это Алискины.

– Дорогая обувь, – кивнула я, – модная, красивая, из натуральной кожи. О! Да еще с фирменным знаком! Послушай, почти такие же можно купить за сто евро, а в бутике ими торгуют по тысяче. То есть, покупая там, переплачиваешь девять сотен! Неужели не жаль денег?

Рита нахмурилась.

– Это богатая баба может прийти на тусню чуть не в пластиковых сланцах, и никто ее не осудит. Всем ясно, не от нищеты в тапках приперла, а потому что так захотелось. А мы, бедные девушки, должны носить самое дорогое и модное, иначе никуда не проникнешь, фейс-контроль не пропустит. Так вот, у Алиски одни сапоги.

– Понятное дело, – вздохнула я, – таких много не купишь.

– Ты не сообразила! – перебила меня Секридова и повторила: – У Алиски одни сапоги.

– Меня это не удивляет, – спокойно подхватила я. – Кстати говоря, поверь мне, есть не менее хорошие марки, и они дешевле.

– Нет, ты определенно дура! – воскликнула Рита. – У

Алиски одни сапоги, других нет! В чем она ушла, если обувь лежит в прихожей?

– Действительно, – насторожилась я. – Впрочем, может, она нацепила кроссовки и джинсы?

– Ага, – кивнула Рита, – я тоже так сначала подумала. А потом открыла ее шкаф и увидела: все вещи на месте. Нет лишь вечернего платья, черного с большим декольте и очень короткой юбкой. В таком по улицам днем не пойдешь.

– Ты уверена, что она не натянула брюки?

– Абсолютно! – нервно воскликнула Рита. – У Алиски мало вещей, я их наизусть знаю, мы друг у друга шмотки постоянно берем.

– Допустим, – кивнула я.

– Сапоги тут, – стала загибать пальцы Секридова, – пальто тоже – вон то, велюровое. У Алиски, кроме него, еще куртка имеется, так она висит на крючке. Получается, что Виноградова сегодня, в дождливый день, утопала из дома в совершенно не подходящем платье, босая, без верхней одежды и сумки. На тусню она у меня аксессуарчики взяла, но они здесь сейчас. И в эфире ее не оказалось! Ну, как ситуация?

– Настораживающая, – согласилась я.

Секридова намотала на указательный палец прядь волос, подергала и прошептала:

– Думаю, ты не ошиблась, она лежала в шкафу. Вот... – сильно побледнев, Рита ткнула рукой в нутро гардероба. – Видишь пол?

– Конечно.

– Теперь нагнись и глянь внимательно. Там гвоздь есть...

Я всунулась в шкаф и устоялась на полувывинченный шуруп.

– Нашла? – прошептала Рита.

– Ага, – тоже отчего-то шепотом ответила я.

– Прядь волос светлых видишь?

– Да.

– Это Алискины! – воскликнула Рита. – Она там лежала!

– Сама же говорила, что подруга способна заснуть в любом положении и месте, – попыталась я успокоить Риту.

Но девушка совсем потеряла самообладание. Она вцепилась мне в плечи и заорала:

– Нет! Мне страшно!

Я еще раз обозрела шкаф.

– Алиса способна на дурацкие розыгрыши?

– Не думаю, – мрачно ответила Рита. – Да, она лежала в шкафу, иначе откуда тут ее волосы... Ты точно видела Виногорадову!

– Осталось выяснить, каким образом она покинула квартиру, – хмыкнула я.

– Босиком, без верхней одежды, – обморочным голосом продолжила Рита. – Послушай, сегодня ведь пятнадцатое мая?

– Верно, – подтвердила я.

И тут Секридова побледнела, пошатнулась, а затем, стран-

но всхлипнув, медленно опустилась на пол и вытянулась на грязном паркете.

– Рита! – испуганно позвала я. – Тебе плохо? Ответь, пожалуйста! Ау, отзовись...

Но манекенщица лежала без движения. Я кинулась на кухню, принесла стакан воды, начала брызгать на лицо Секридовой, изредка восклицая:

– Ритуля, открой глазки!

В конце концов девушка приподнялась и простонала:

– Пятнадцатое. Ее убили.

– Алису?

– Да.

– Кто?

– Не знаю.

– При чем тут пятнадцатое число?

Рита попыталась встать на ноги, но они отказывались слушать хозяйке.

– Нас перепутали, – еле слышно выдавила из себя Секридова.

– Кого?

– Меня и Алиску, – заплакала Рита. – Виноградову убили по ошибке. Пятнадцатое мая... Пятнадцатое! Мая!

– Извини, пока ничего не понимаю, – осторожно сказала я. – При чем тут все-таки сегодняшнее число? День как день.

Секридова протянула мне руку.

– Помоги.

Я подхватила девушку.

– По-моему, тебе следует выпить чаю.

– Пятнадцатого мая умер папа, – не обращая внимания на мои слова, сказала Рита. – Потом погибла Ксюха, и число было то же. День в день ушла мама, затем Лешка. Понимаешь? Следующая была моя очередь. Я хотела судьбу обмануть, думала, Феня права, это дом наш проклятый, но... Видишь! Алиску просто со мной перепутали. Мы похожи, обе блондинки, и на щиколотке татушки одинаковые. А еще именно я вчера должна была Болтова сопровождать. И Виноградова с моей сумкой утопала на тусню, приметная вещица, дорогая, дизайнерская. Сумочка в коридоре лежит. Все одно к одному, а главное – пятнадцатое мая! Ой, дура я, дура! Надеялась, уеду и избегу проклятия! Зачем мне Феня правду рассказала...

По щекам Риты потекли слезы, губы у нее затряслись.

– Меня обязательно убьют. Непременно. Сейчас он просто ошибся.

– Кто?

– Он, она, оно... Феликс Ковалев! Не знаю! Нет, нет! Не хочу!

Громко зарыдав, Рита бросилась в свою спальню. Я побежала за девушкой. Увидав, как она кинулась на кровать лицом в подушку, я села на скомканное одеяло, обняла трясущуюся Секридову и стала гладить по плечу, приговаривая:

– Ну-ну, успокойся.

– Куда бежать?

– Перестань плакать.

– Страшно, страшно, страшно... – с монотонностью робота завела Рита – ...страшно, страшно...

Сообразив, что у девушки началась истерика, я попыталась успокоить бедняжку:

– Давай принесу тебе чай.

– Страшно, страшно...

– Я с тобой.

– Страшно, страшно... Меня убьют...

– Конечно, нет.

– Пятнадцатого числа, как всех.

Я наклонилась к Рите.

– Послушай, он, она, оно – или кто там? – убивает именно пятнадцатого мая?

– Да, – всхлипнула манекенщица, – абсолютно верно.

– Вот и хорошо.

Рита перестала рыдать и оторвала голову от подушки.

– Издеваешься, да?

– Нет. Я тебя не оставлю ни на минуту, просижу тут до полуночи, то есть до наступления шестнадцатого числа. При свидетеле убийца не посмеет совершить задуманное. Пятнадцатое закончится, и у тебя будет целый год впереди. За триста шестьдесят пять дней я непременно найду того, кто так напугал тебя. Если он, конечно, существует.

Рита всхлипнула:

– Еще как существует! Феликс Ковалев.

– Это кто такой?

– Убийца! Он сумел уничтожить всю мою семью.

– Знаешь адрес парня?

– Ага.

– Говори скорей.

Неожиданно Рита расхохоталась.

– Адрес? Пожалуйста. Кладбище, за оградой у входа.

Только, где погост, не знаю.

– Он умер?

– Молодец, сообразила! – попыталась справиться с истерическим смехом девушка. – Очень ты умная, я бы не додумала, что труп зароят, обычно их снаружи оставляют... Ха-ха-ха!

Я встала и, не говоря ни слова, пошла к выходу.

– Ты куда? – закричала Рита.

– Домой, дел полно.

– Бросишь меня тут? – завопила Секридова. – Обещала же посидеть до полуночи! Я боюсь оставаться одна. погоди!

– Позови кого-нибудь из подруг, – мирно предложила я, – или сама к ним поезжай, а у меня времени на всякое идиотство нет. Прости, конечно, но это ты, похоже, решила надо мной поиздеваться.

Секридова вскочила.

– Пошли чаю попьем.

– Ты уже и так налилась им и ни разу не предложила мне

чашку.

– Не обижайся. Мне правда очень страшно.

– Боишься умершего Феликса Ковалева? – усмехнулась я.

Рита устало кивнула:

– Да. Выслушай меня, все не так просто. Теперь я уверена. Убить хотели не Алиску. Пожалуйста, не уходи!

Ощущая себя героиней пьесы абсурда, я села в кресло.

– Говори, только без соплей. Спокойно изложи факты.

Рита закивала:

– Это старинная семейная легенда. Мои предки были богатыми людьми, имели дворянский титул и владели тысячами душ крепостных крестьян...

Я скрестила ноги.

После революции 1917 года пришедшие к власти большевики начали планомерно уничтожать дворянство как класс. Населению страны репрессии объясняли просто: всякие там баре – угнетатели рабочего люда, Салтычихи мерзкие. Вот сейчас отнимем у них богатство, раздадим его нуждающимся и заживем счастливо. Сначала пострадали члены очень известных фамилий: Оболенские, Трубецкие, Волконские, Гагарины... Потом карающий меч палачей добрался до менее родовитых семей, до купцов и богатых крестьян, следом начали вырезать средний слой.

Долгие годы в СССР не имелось дворянства. И вдруг в начале девяностых чуть не у каждого второго бывшего советского человека обнаружили родовитые предки. Снача-

ла я удивлялась, читая в журналах рассказы звезд о бабушках и дедушках, танцевавших на придворных балах. Потом спросила себя: «Что же люди раньше-то писали в анкетах? Кадровики ведь тщательно проверяли сотрудников. Неужели работники первого отдела выполняли свои обязанности спустя рукава? Или наши писатели, актеры и ученые слегка приукрашивают ситуацию? Может, их предки и бывали на балах в Зимнем дворце, но не в качестве дорогих гостей, а в ранге лакея или горничной?»

Вот и Рита сейчас самозабвенно пела песню о своих корнях.

– Волковы – старинный род, – абсолютно не подозревая о моих мыслях, торопливо говорила Секридова, – прапрадедушка был меценатом, у него в усадьбе жили художники, писатели...

– Может, попытаешься приблизиться к современности? – улыбнулась я. – И потом, насколько помню, твоя фамилия Секридова.

– Верно, – не смутилась Рита.

– При чем тогда тут богатые дворяне и меценаты Волковы?

– Мой папа был Петр Михайлович Волков, – пояснила Рита, – маму звали Анна Ильина. Нас имелось трое, детей в смысле. Лешка, Ксюха и я.

– Как же ты в Секридову превратилась?

– Да очень просто, – пожалала плечами Рита, – замуж вы-

шла.

– И где сейчас супруг?

– Хрен его знает, – вздохнула Рита, – самой иногда интересно. Не виделись мы... э... уж не помню сколько. Лет пять, а то и больше. Он пьяница был, потом на наркоту подсел. Один раз ушел из дома и не вернулся. Если честно, я только рада была, сил уже не осталось Костю терпеть. С «торчком» жить невозможно.

– Так ты не в разводе?

– Не-а, – хмыкнула Рита. – Юридически нет, а фактически давно с муженьком не встречалась. Думаю, он уже покойник. Ты меня выслушай внимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.